

ВАЛЕРИЙ ТУЛОВСКИЙ

**ДОМ 13,
квартира №...**

САТИРИЧЕСКИЙ РОМАН

Валерий Туловский

**Дом 13, квартира №
... Сатирический роман**

«Издательские решения»

Туловский В. В.

Дом 13, квартира №... Сатирический роман / В. В. Туловский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904823-3

Если волею случая судьба подвалит вам счастье побывать в городе Белосовковске, вы не сможете не заметить дом №13 по Большому Совку. Почему демократическая мэрия подобрала бывшему проспекту имени Ленина такое необычное, загадочное и никому до сей поры непонятное название — история умалчивает. Можно много говорить о доме, о жильцах, можно славословить людей, можно хулить. Однако лучше заглянуть в каждую квартиру, а затем решать — кто они, жильцы-соседи, чем занимаются, дышат...

ISBN 978-5-44-904823-3

© Туловский В. В.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
КВАРТИРА №1	8
КВАРТИРА №2	16
КВАРТИРА №3	31
КВАРТИРА №4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дом 13, квартира №... Сатирический роман

Валерий Витальевич Туловский

Редактор Дмитрий Валерьевич Юртаев

© Валерий Витальевич Туловский, 2018

ISBN 978-5-4490-4823-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

Человек – это звучит вздорно...

Если волею случая судьба подвалит вам счастье побывать в городе Белосовковске, вы не сможете не заметить дом №13 по Большому Совку. Почему демократическая мэрия подбрала бывшему проспекту имени Ленина такое необычное, загадочное и никому до сей поры непонятное название – история умалчивает. Ходят слухи, что приёмный сын троюродного брата внебрачной дочери Владимира Ильича Ленина имел отрока, весьма равнодушного к женщинам и отъявленного плута. Сей отпрыск обесчестил дочь сапожника, молоденькую девушку, ставшую впоследствии бабушкой г-на Карасенко, первого за всю 620-ю историю города демократического мэра. В пятьдесят с хвостиком лет мэра Карасенко позор его стал всенародным достоянием, чего сам большой чиновник вынести не смог, а посему итогом стало переименование проспекта Ленина в малопонятное словосочетание Большой Совок. Не проспект, не улица, не переулок, а просто – Большой Совок.

Свидетели экстренного заседания мэрии, состоявшегося на второй день после выборов Карасенко, поговаривали, что заседание проходило в бурных дебатах, в острой, конструктивной, демократической обстановке, с множеством речей и полезных реплик. Как и в случае выборов на пост мэра, когда был один единственный альтернативный претендент – Талаш Деревенько, директор поныне действующего завода по производству порошка против тараканов – так и в обсуждении вопроса о переименовании проспекта, была создана здоровая конкуренция. В результате «Большой Совок» был утверждён, поскольку «улица лошади Пржевальского» была отклонена. Главными серьёзными доводами оппонентов являлись: во-первых, в морду эту лошадь никто из присутствующих никогда не видел; во-вторых, если её никто не видел, то не исключено, что лошадёнка ничего хорошего из себя не представляла; в-третьих, мог произойти конфуз, если лошадка настолько неприглядная, что ей вообще невозможно будет поставить памятник из средств городской казны. А ведь средства на памятник были уже заложены, но кому ставить монумент – оставался открытым. Четвёртым аргументом спора являлось: с какой буквы, большой или маленькой, писать слово «лошадь», если вдруг неведомое животное всё-таки одержит победу над «Большим Совком». Пару бывших учителей, недавно оказавшиеся народными избранниками, сумели-таки доказать, что улица лошади Пржевальского – это неграмотное решение вопроса. Первое: улица не может быть лошадиной, так как не является собственностью (купленной или приобретённой каким-либо иным способом) самой лошади. Здесь следовали ссылки на документы, что улица действительно не продавалась, по наследству не передавалась, да и строилась не лошадьми. Второе: лошадь Пржевальского – это иностранное животное (про сей факт напомнил учитель истории и бывший партийный работник Козлевич, чем навлёк на несчастную лошадёнку бурю депутатского негодования). Выпив стаканчик «Пепси», он даже предложил вынести вердикт по этому обстоятельству, и отправить копии документов в посольства США и Китая, дабы указать международному сообществу: нечего иностранным империалистам хвастаться, якобы мы перенимаем у них всё, что попало. Пусть капиталисты ведают, что их лошадь никогда не обесчестит своим именем главную улицу любимого города. Впрочем, это предложение не приняли, так как некоторые народные избранники усомнились: какое же из государств является исторической родиной несчастного зверя, не монгольских ли кровей лошадёнка? Третий аргумент против лошадки оказался самым веским: если название улицы или проспекта следует писать с большой буквы, то получается, что какая-то лошадь – невзрачная и паршивая, наверное, на вид – будет ассоциироваться с главным проспектом замечательного города! Разве можно допустить, чтобы слово «лошадь» писалось с большой буквы? Депутат Громогласов был всегда весьма активен

на заседаниях, а посему внёс предложение: назвать проспект Ленина проспектом Пржевальского. После небольшого минутного молчания, в период которого депутаты усиленно припоминали, кто же всё-таки такой сам Пржевальский, предложение было окончательно отклонено. Решили, что лошадь именем хорошего человека не назвали бы, хотя само по себе животное и неплохое, но лягается и может укусить своими жёлтыми зубами. Весомую лепту в поддержку Большого Совка внёс депутат от партии «зелёных» товарищ Одуванчиков. Он подал протест, в котором заявил, что нельзя именем лошади называть самую грязную улицу в городе, ведь лошадь не виновата...

Проголосовали единогласно, и через два дня напряжённой и кропотливой депутатской работы бывший проспект имени Ленина стал называться для всех несколько загадочно и странно – Большой Совок.

Большинство горожан, как всегда, спокойно и безразлично отнеслись к переименованию. Не высказалась и интеллигенция. Не стали возмущаться и удивляться и жильцы дома №13. Как истинные патриоты своего родного города Белосовковска, они с благодарностью и пониманием восприняли инициативу мэра и решение депутатов. Нечто родное и знакомое в названии бывшего проспекта насыщало их сердца гордостью.

* * *

А дом как стоял, так и стоит, ничем не выделяясь среди остальных жилых коробок. В нём люди проводят свободное от работы время, кормятся, иногда плодятся, а иногда умирают. Чёртова цифра дома никак не влияет ни на судьбу дома, ни на его обитателей. Двухэтажный, кирпичный, с когда-то покрашенными в коричневый цвет входными дверями, он разделяется на два подъезда, три квартиры на каждом этаже и, соответственно, на двенадцать квартир вообще.

Можно много говорить о доме, о жильцах, можно славословить людей, можно хулить. Однако лучше заглянуть в каждую квартиру, а затем решать – кто они, жильцы-соседи, чем занимаются, дышат...

Так и сделаем. Всунем свой нос в город Белосовковск, Большой Совок, дом №13, квартира...

КВАРТИРА №1

В первой квартире существовали люди простые, рабочие, как и подавляющее большинство города Белосовковска...

Тот день для Ивана Савраскина начался обыденно: Ваня доплёлся до работы, похмелился, перед обедом «принял на грудь» для аппетита, а по истечении трудового времени, вместе с напарником «разрушил» традиционную бутылочку. Пару «соточек» во время перекуров, опрокинутых наспех и без кусочка сухарика, можно не считать – несерьёзно.

Наверное, явился бы передовик производства и обладатель двух почётных грамот к жене и детям весёлым и бодрым. Однако... как это частенько бывает, по дороге встретил старого друга. Давно не виделись – месяца два, потому решили отметить это знаменательное событие. Не в деньгах счастье, а в их количестве – давняя истина. Количество у товарища оказалось таким существенным, что Савраскин после прогулки по парку, где он долго и душевно беседовал с приятелем, изредка запивая очередной анекдот или сплетню бесцветной горячительной жидкостью, уже ничего не помнил.

Очнулся Иван от непонятного шума. С тяжестью открыл один глаз и удивился: всё вокруг белое, ни одной цветной точки. Ещё большего усилия понадобилось для второго глаза. Вновь белым-бело. Только тогда он сообразил, что чем-то накрыт.

«Где я?» – желал крикнуть Савраскин, однако губы и язык словно слиплись между собой.

Ваня решил вспомнить, что же произошло после работы, но в голове шумело – ни одной мысли. Пробовал пошевелить рукой или ногой – напрасно, что-то их держало. Напрягая глаза из последних сил, посмотрел на руки...

«Батюшки, так они связаны на груди! С чего бы это? – подумал Иван и обомлел от догадки. – Я умер!.. Но почему тогда глаза открылись?»

И тут он вспомнил, что ему кто-то рассказывал: покойник видит и слышит, только разговаривать и двигаться не может. Всё сходилось.

Неожиданно неокрепшие мысли Савраскина оборвались, когда ему послышался глухой неразборчивый бас. Голос становился сильнее и сильнее. Иван отчетливо услышал слова молитвы.

«Не ошибся. Так и есть – „ласты склеил“. Застыла кровушка в жилочках, задубели рученьки и ноженьки, в глазках сплошная пелена. Бедный я Ванечка, на кого покинул жену и деток? А кто теперь даст план заводу? А кто водочку пить будет?.. Вот идёт Бог и сейчас решит: в рай меня отправить, или в ад предпочтёт мне место», – думал Савраскин, пытаюсь вымучить из себя слезу; но не получилось – покойники не плачут.

И вдруг перед глазами это нечто белое задвигалось, зашевелилось и... всё стало предельно ясно: Ваня был накрыт простынёй. Однако происходящее отнюдь не обрадовало, а наоборот – от страха он зажмурил глаза.

«Сомнений не осталось – сдох!» – подвёл итог обладатель двух почётных грамот, видя над собой бородатое лицо священника. – Простынёй накрывают мёртвых людей, причём, накрывают с головой. А батюшку позвали, чтобы меня отпевать».

Почувствовав, что на лоб нечто капает, Савраскин слегка приоткрыл один глаз. Батюшка по-прежнему стоял над ним с большой кистью в руке и, не прекращая читать молитвы, кропил Ивана водой. Немного поодаль располагались жена и оба сына с зажжёнными свечами в руках.

«А у жены лицо печальное, – заметил Иван. – Страдает, наверное, что без кормильца осталась; а сама раньше ни разу мне даже стопочки не поднесла, не сказала: выпей, мол, Ванюша сердешный, легче станет. Теперь на поминках за мой счёт пить будет... И сыночки хороши: папа такой, папа сякой, а сейчас стоят, опустивши головки, жалеют папку».

Окончив молиться, священнослужитель вышел из комнаты. За ним один за другим скорбно проследовали жена с детьми. Савраскин услышал, как стукнула входная дверь.

«Теперь начнутся самые трогательные и жуткие сцены: войдёт супруга, возле моего изголовья начнёт рыдать, причитать, рвать на себе волосы. Наконец-то я услышу от неё самое лучшее, справедливое, то, чего раньше и под пытками не сказала бы, узнаю, что она думает обо мне».

... Действительно, она вошла достаточно скоро, в её руках была швабра, а глаза блестели от слёз.

«Уже принялась оплакивать; а вот зачем ей швабра, если за покойником моют пол только тогда, когда выносят тело в последний путь?» – подумал Ваня.

– Ну что, родной? Руки я тебе связала, ноги связала, самого простыней накрыла; а ты вздумал храпеть?! – заверещала жена.

«Надо же – „родной“. Даже приятно. Однако что-то слишком строго говорит. И при чём здесь „храпеть“? Покойники, я думаю, не храпят...» – отметил Савраскин.

– Что, молчишь, тварь безмозглая, зенки вылупив? – продолжала жена. – Я так старалась, чтобы батюшка не увидел тебя, когда придёт квартиру освещать, а ты... храпеть! Выдал себя, змеиное отродье! Получай!

Швабра прошлась прямо по лбу. Глаза Ивана зажмурились по инерции. На передовика производства и обладателя двух почётных грамот сие приспособление для уборки квартиры продолжало прикладываться не раз и не два... и не только по лбу.

Но Ивану Савраскину было на душе радостно: «Главное, что я – живой!..»

* * *

На следующий день Иван начал работу в обычном режиме. Дабы избавиться от физических страданий, которыми жена одарила его в процессе экзекуции шваброй, он надеялся традиции похмельки не изменять; правда, ввиду отсутствия денежных средств, алкогольную программу вынужден был свёрнуть. Но работалось, как ни странно, легко, бесперебойно, чем заслужил два одобрительных кивка бригадира, по обычаю, зорко следившим за сварщиками вверенной ему бригады.

Вечером Иван пришёл с работы сильно усталым.

Супруга находилась на службе во вторую смену, поэтому вместо традиционной жареной колбаски с омлетом, оставила продукты в сыром виде в холодильнике. Изнурённый тяжёлым рабочим днём, а также от принятия литрочки самодельной водки, которой нежданно его потчевал сосед из десятой квартиры Виктор Белуга, предлагая отпраздновать что-то политическое, Савраскин вынес решение не утруждать себя приготовлением ужина и тут же поглотил пахучий кусок «Одесской» колбасы местного мясокомбината, выпил сырое яйцо и высосал пакет «Докторского» молока. Всё это он вобрал стремительно, не прибегнув к помощи газовой плиты.

После немудрёной трапезы, даже не просматривая новостей по телевизору, наш герой лёг спать...

Но вскоре сон был прерван и омрачён. Причиной беспокойства послужило необыкновенное оживление в желудке. Проснувшись, Ваня ощутил, что активность чрева вскоре достигнет своего апогея. Живот пучило, там что-то бурлило, жужжало, хрипело – просилось наружу. Не мудрствуя лукаво и не дожидаясь последних аккордов бунта, Иван вскочил с кровати и пробежал дистанцию до туалета, как профессиональный легкоатлет-спринтер. Надо отметить, что был он человеком сообразительным, поэтому во время забега успел схватить вчерашнюю корреспонденцию, покоившуюся на телефоне.

«Наверное, несвежей водкой угостил сосед, злодей самогонный», – на ходу смекнул Савраскин.

Через пять минут натужной работы и звуков канонады, которые издавал бодрствующий желудок, произошло облегченное затишье. Понимая, что путь к кровати является бессмысленным, и что ночка ожидается весёлая, насыщенная адским запахом и кропотливым трудом, Иван решил слегка отвлечься и посвятить себя чтению прессы.

Так время и шло, чередуя всплески агрессивности отравленного организма и усиленные потуги к самообразованию. Сигареты тушились одна за другой; газеты пролистывались по порядку; утро, уже казавшееся основательно пустым, со строгой периодичностью давало о себе знать; а туалетная бумага улетучивалась километрами.

Короче говоря, унитаза едва успевал поглощать воду, а Иван мыть руки и литрами потреблять очистительную кипячёную жидкость, что, впрочем, ему вскоре основательно надоело. Дабы поминутно не крутить барашки крана, он пришёл к выводу, что надобно оставить их открытыми. Читать под шумок струи воды, а также под звуки военных действий в животе, не очень-то приятно, про себя отметил Иван, но иного выхода не было.

Когда наш герой прочёл последние новости, дошедшие с полей доблестной Родины, а также вести из лесов государства Бумбукия, проникся последними достижениями учёных в клонировании глистов, не пропустил статью о разгадке тайны сарая деревни Лепёхи, где карликовая курица снесла яйцо в пять килограммов; когда чрево Ивана обстоятельно опустошилось, хотя ещё издавало позывные жизни, всё реже травмируя Ванюшу физически и морально; когда труды журналистов перестали, наконец, интересовать – вот тогда глаза мужчины заприметили кроссворд.

Бросив просветительскую деятельность, Иван взялся проверять свои глубокие познания в разных областях науки и техники, медицине, географии и прочей ерунде.

Однако первый же вопрос по горизонтали поверг его в некоторое смятение.

Вопрос гласил: «Расстройство желудка». Странно было восседать Ивану на унитаза, мучаясь в поисках ответа на вопрос, суть которого не давала ему покоя столь длительное время. Он пытался вспомнить и рекламу о чудо-таблетках, надеялся на слух воссоздать ответ, громким голосом безуспешно переставляя буквы «д» и «р» в разных словах, но все манипуляции с буквами оказались тщетны, а из реклам он вспомнил лишь наименование таблетки, после приёма которой мужчина являлся перед телезрителями с глазами, какие бывают у чрезвычайно удивлённых и озабоченных людей, а также сияющее восторгом лицо женщины, хвастающейся своим крепким стулом. Всё... В дальнейшем – пробел в памяти.

Впрочем, ощущая в животе объявленное перемирие и сотворив негромкий прощальный гудок, Иван встал с облегчением, надеясь доспать до утра без надоевших походов. Грустно затихал унитаза, некогда покрасневший от усердия... уже перекрыта вода в кране...

Вдруг Ваня увидал на полу маленький лист бумаги.

– Странно, откуда это? – спросил он себя; но, будучи неприятелем мусора и любителем порядка в квартире, поднял бумажку.

Это оказалась квитанция на оплату воды. Прочитав её, Ванюша улыбнулся.

– Двести шестьдесят литров на человека в сутки. Такая же норма и на канализацию, – изрёк он, почёсывая недавний объект его страданий. – Хоть один раз в жизни, сегодня, наверное, я превысил норму. Теперь не обидно будет заплатить. Не напрасно мучился!

Придя к такому утешительному выводу, Савраскин медленно, от неизведанных доселе ощущений, широко расставляя ноги, удовлетворённо и свободно поковылял к кровати, при этом глупо бурча:

– Всё-таки водка несвежая была...

* * *

...Для Ивана Савраскина настали тяжёлые дни – он был голоден: жена уехала с сыновьями на юг отдыхать, а с любовницей Томой он расстался полгода назад. Попыточку к примирению с Томой он, конечно, предпринял – по телефону; но «свято место пусто не бывает»:

когда услышал в трубке громовое, пьяное и отнюдь не женское «слушаю», у Ивана затряслись коленки и одновременно подспела мысль, что судьбу лишний раз искушать нет надобности.

Однако сегодня голод, а также желание крепко взбодриться, напомнили Ивану, что у него есть двоюродный брат, пенсионер-одиночка Анатолий Марксишко, который не только фамилией, но и внешне, очень походил на одного из основоположников идеи коммунизма. Правда, кличку он имел не пролетарскую, но, пожалуй, научную – Звездочёт; а причиной этому послужила страстная любовь разглядывать всё сквозь лупу, привязанную на верёвочке и неизменно украшающую его впалую, немощную грудь. Анатолий внимательно изучал даже первую рюмку самогона (не много ли там мусора и сивушных масел?); а в период бурной трудовой деятельности, будучи хорошим сантехником (по его же признанию), всегда обстоятельно исследовал при помощи лупы и новую прокладку, и каждый винтик, и... в общем, всё исследовал.

Вот к Марксишко и направился Савраскин.

Идти пришлось долго, на окраину города, что давалось Ивану с трудом по причине особого его телосложения: маленький рост, огромный живот и короткие ноги со стопами тридцать шестого размера вовсе не несли, а тащили грузную комплекцию к возможной кормушке.

К вящей радости Савраскина, брат оказался дома. Открыв калитку и, неловко пнув тощую курицу, прошмыгнувшую перед ним, Иван закричал:

– Звездочёт, принимай гостей!

Скрипнула дверь, и Савраскин увидел показавшуюся, не первой свежести, помятую физиономию Анатолия.

– А-а, это ты, – прохрипел Марксишко. – Заходи, коль ко мне намылился.

Савраскин вошёл в дом. Оглядевшись, Иван отметил в уме: «Наверное, зря топтал сюда». Действительно, то, что Анатолий называл кухней, походило скорее на склад приёма битой стеклотары и свинарник одновременно; при этом воздух явно был насыщен духом помойной ямы.

– Как дела, брат? – с грустью спросил Савраскин. – Как здоровье?

– Вчера было лучше, – из себя выдавил Марксишко и, поглядывая с мольбою на Ивана, спросил: – Имеешь что?

– Нет, – развёл руками Савраскин, понимая, о чём спрашивает Анатолий. – Сам рад бы, за тем, собственно, и заглянул.

– Эх-х, – вымучил специалист по санузам. – Вчера надо было приходиться.

– И поесть даже нечего? Моя ненаглядная, понимаешь, уехала на юг жирок плавить, а мне харчей не оставила, – с досадой сказал Иван.

– И денег нет?

– Какое там! Видишь, пешком пришёл. Деньги были, но я их... бабах, – вздохнул Савраскин. – Как говорится, деньги в мешках, а мешки под глазами.

– Вообще-то не скажешь про тебя, что бедствуешь. Вот какой мамон откормил, сала на десять пальцев. – Марксишко, кисло улыбнувшись, по-приятельски хлопнул Ивана по животу. – Да ты не обижайся, Мамон Бабыхович, сейчас что-нибудь скумекаем, пошевелим мозгами.

А Савраскин и не думал обижаться на брата. Они присели на стулья, оставшиеся в наследство Марксишко от самого прадеда, и начали обсуждать план действий.

– Будем говорить так, – взял слово Анатолий. – Ты хочешь поесть, и я не отказался бы под это дело... – Он щёлкнул себя не то по кадыку, не то по мятой бороде. – Значит, нужно добывать нам и первое, и второе.

– Не против, хорошо бы.

– У меня гениальная идея: нужно что-нибудь продать.

– Да, но похоже, у тебя ничего нет на продажу, – возразил Иван.

– Весьма ты зорек. А у тебя?

– У меня тоже... бабых. – Иван показал кукиш куда-то в потолок, прибавив к жесту своё излюбленное словечко «бабых», которым он выражал всё: и злобу, и удивление, и любовь – и которое вначале никто не понимал, так как ни в одном словаре оно не упоминалось.

– Значит, будем говорить так: дело дрянь, – подвёл итог Анатолий.

– В самую точку сказано, – вздохнул Иван.

Минут десять длилось молчание.

– Ещё одна гениальная идея посетила мою несгибаемую голову: следует продать кого-нибудь, – вновь захрипел умный Марксишко.

– Но кого? – удивлённо и подозрительно Иван поглядел на брата и почесал свои задние нижние «булки».

– Будем говорить так: гуся... или курицу... или утку.

– Может быть, ту курицу, которая бегаёт по двору в поисках зёрнышка? Мы её... бабых? – Иван пошевелил своими шпионскими рыженькими усиками и соорудил недвусмысленный жест возле горла.

– Что ты?! Это моя курица. Мне с нею ещё жить и жить. Кормилицу мою нельзя резать. Друга, можно сказать...

– Тогда где же нам раздобыть курицу или гуся?

– Будем говорить так: украдём, где их много. Иди за мной...

Не теряя времени, братья по несчастью вышли из дома.

– Туда, – уверенным жестом Анатолий указал в сторону видневшегося леса.

– Но там уже не город, – удивился Савраскин.

– А нам вовсе не город нужен. В нём гуси и утки разве что в магазинах лежат, – пояснил Марксишко.

– Гениально! – восторгался Иван способности унитазного мастера мыслить логически.

И пошли братишки, и пошли... Впереди Марксишко, сутулый, высокий, постоянно шаркающий своими грязными ботинками без шнурков и потому со стороны похожий на лыжника; а за ним, едва поспевая, почти катился пузырястый Савраскин, пыхтя и поминутно теребя забавные усики.

Вот остался позади последний, хотя и деревянный, но городской дом. Вскоре братья свернули с асфальтовой дороги на лужок.

– Что-то свежим навозцем потягивает, – сморщился Иван.

– Значит, скоро будет речка – и мы у цели. Нужно идти на запах.

Наконец, цель! Речка показалась Савраскину небольшой, с редкой по цвету и запаху водой и обильной пеной; а вдали этого чуда природы густо росли кустарники и высокая трава.

– Мы будем рыбу ловить? – удивился Савраскин.

– Нет, здесь плавает всё, кроме рыбы. Местные жители даже последнюю пиявку не припомнят.

– Но и водоплавающих я не вижу.

– А в реке мы их не встретим – да это нам и на руку. Но вот возле неё мы обязаны увидеть хотя бы щуплого гуся.

Однако ни гусь, ни утка, ни тем паче курица братьям не повстречалась.

– Без пользы пришли, – сетовал Савраскин.

– Стой! Смотри! Ко-ро-ва! – радостно захрипел Марксишко.

Действительно, на лугу паслась пеструха. К ней друзья и направились.

– Ах, ты наша ненаглядная, наша желанная, – припевал Анатолий, поглаживая подозрительно глядевшую на него корову.

– Сомневаюсь я, что именно её мы искали, – пробурчал Иван.

– А какой толк с гуся? Вес утки или гуся равен двум бутылкам и двум консервам килек в томатном соусе. А здесь, посмотри Иван, сколько водки и вина, сколько колбасы хорошей...

и на шнурки хватит; а заднюю одну ножку можно самим оставить. Представляешь, сколько времени жировать будем?! Я вскоре откормлюсь и стану таким, как ты – гладким и толстым.

– А тебе не кажется, что нам её не занести домой? – усомнился Савраскин. – Не думаешь ли ты совершать преступление среди чистого поля?

– Глупости! Во-первых, поле не совсем чистое. Во-вторых, мы экспроприруем животное, а это не является преступлением. В – третьих... своё всегда лёгким бывает. – Звездочёт взял лупу и начал осмотр будущей жертвы. – Ты, Ваня, посмотри, какая она чистая, ухоженная. Уши, нос, зубы... хвост – всё чистое. Никаких явных признаков заболеваний я не обнаружил... ни со стороны педиатрии, ни со стороны хирургии, ни со стороны гинекологии. А вымя-то!!! Ух-х!

Прошло некоторое время, Марксишко разглядывал шерсть коровы.

– А чем бить её будем? – бросая косой взгляд на рога, молвил Иван.

– За что её бить? Я придумал: она сама пойдёт за нами. Посмотри, с какой любовью она смотрит на тебя.

Иван недоверчиво поглядел корове в глаза, но ни малейшего намёка на доброжелательность в них не прочёл.

– Наверное, корове ты больше приглянулся, а не я. Значит, поведёшь ты. Впрочем, шевелись, час идёт, – оглядываясь по сторонам, беспокоился Савраскин.

Последние слова повлияли на Марксишко.

– Да, медлительность может нас загубить, – согласился он. – Будем брать корову за рога.

Большого ума товарищам не потребовалось, чтобы снять брючный ремешок с джинсов Анатолия, сделать подобие петли и увести корову за собой.

Через огороды к дому доставили животное в целости и сохранности, и заперли в пустующем уже несколько десятков лет хлеве. Однако Анатолий вдруг помрачнел.

– Ты, Ваня, корову когда-нибудь убивал? – поинтересовался Марксишко.

– Не-ет, – пожал плечами Савраскин.

– А разделять тушу сможешь?

– Не-а.

– А на что тогда ты способен?

– Кушать, – скромно ответил Савраскин.

Марксишко оказался озадачен. Представился очередной повод почесать своё седалище. В планы Анатолия никак не входило абсолютное неумение брата.

– Дело в том, что и я только жрать горазд... Что-то нужно придумать.

– А чего думать-то? Бабых ножом по горлу – и на стол пеструшку.

– Легко сказать. – Пальцы Марксишко перебрались теперь от задницы до затылка и потеребили там. – Будем говорить так: твой совет нам не подходит. Мы будем коровушку глушить, а затем резать. Я – крепкий малый, справлюсь. Сейчас только ножи заточим.

– А нельзя ли вначале хотя бы усыпить её... или отравить? – дал дельный совет Ванюша.

– Изверг!!! Отравить!!! Нельзя над животным измываться! И как потом нам отравленное потреблять? За ножи, Иван, за ножи. Ты заточишь их.

Савраскин, обрадованный, что ему досталась лёгкая обязанность, без лишних разговоров принялся за исполнение приказа. Марксишко, с серьёзным лицом и поминутно спадавшими джинсами, взялся усердно махать руками.

– Что ты делаешь, Толя?

– Мышцы разогреваю, чтобы силушки прибавилось, чтобы корову одним махом...

Не успел Звездочёт сделать ещё пару гимнастических упражнений, дабы привести в надлежащую форму свою мощь, как послышался стук в калитку.

– Батюшки, кого-то нечистая привела, – испугался Савраскин.

– Действительно. Я обычно гостей встречаю, когда у меня деньги имеются... или самогон, – удивился Анатолий.

– Может быть, кто-то увидел, как мы привели корову, а потом сообщил хозяевам... или – того хуже! – позвонили в милицию, – заплакал Иван.

– Не тормози, Мамон, я с тобою...

– Да нет уж, Звездочёт, это я с тобою... а лучше бы без тебя.

– Молчи, пузырище, будь хитрым. Может быть, стучат не из милиции и не коровины хозяева. Будем встречать, – мужественно произнёс Марксишко и, схватив со стола нож, с размаху вогнал его в пол. – Вдвоём мы – сила.

– Толечка, а не нужно ли мне спрятаться? На всякий случай. Групповухой ведь несёт, – дрожа всем телом, наставлял Савраскин.

– Что год сидеть, что два – безразлично, за корову много не дадут. Я убежать не стану.

– Тебе бежать некуда, ты дома, – заметил Иван. – А я и год сидеть не хочу... поэтому собираюсь прятаться.

– Кры-са! – завопил Звездочёт и гордо поднял голову. – Горе мне, стыдно мне за своего брата, за этого тщедушного человечка. Иди, холоп! – взревел Анатолий, поглядел убийственным взглядом на Савраскина, но безрезультатно, а затем широким жестом, словно царь, указал на шкаф. – Там тебе место в час великих потрясений и испытаний.

– Спасибо, Толенька, я мигом. На сегодня лимит мой на подвиги исчерпан, – трусливо заиграла челюсть Ивана.

Пыхтя во все дыры и обливаясь потом-то ли от усердия, то ли от страха – Савраскин протиснулся в узкую дверь шкафа и затаился...

В воздухе неприятно засмердело...

– Вот я и один! Но каков!.. – бросил реплику Марксишко и пошёл открывать калитку.

Вскоре настороженные уши Савраскина уловили беседу Анатолия с его соседкой Дуняшей. Несмотря на обращение знакомых к ней таким ласковым именем, Дуняша было лет эдак... в общем, революцию она немного не застала; лаконичнее говоря, была в возрасте, когда женщина всё и всегда узнаёт первой из достоверных источников под клятву и истинный крест.

– Толик, что я узнала, что узнала!..

– Говори короче, уходи быстрее, Дуняша, – пробурчал Звездочёт.

– Не перебивай. Такая новость, такая новость!.. Лёня, наш-то сосед, из уборной не выходит, поди уж, целый час сидит.

– Вот невидаль. Может, он животом мается? Ты что, время засекала?

– Да у меня часов нет, – возразила старушка Дуняша. – Но сидит долго.

– Пусть себе сидит. Мне-то что? – удивился Анатолий.

– Так к нему милиция приходила, а он всё равно не выходит.

– Набедокурил, наверное, сквальга, вот милиция и пришла.

– Не бедокурил он вовсе. Чернецкого Павла, директора общественного туалета, корову знаешь? Пёстренькая такая.

– Ошалела? – возмутились в Марксишко все мужицкие начала и концы. – Лично не знаком, зачем мне корову знать? Она ж не баба.

– Это не важно. Важно, что её украли, – очень даже весело сообщила Дуняша ехидным голоском.

– Кого украли?

– Корову... рогатую, пёструю.

– Пёструю?

– Пестрее не бывает.

– Где?

– На лужке. Павел оставил её пастись, а пришёл через часок – увели.

– А почему он так рано забеспокоился о ней?

– Жена забеспокоилась, а у него дела... какие-то в уборной... Главное, что через час...

– Может быть, сама ушла? – не верилось Марксишко, что так быстро раскрылась пропажа.

– Куда же она уйдёт?.. Одна?..

– Куда? К быку, наверное.

От подобной неожиданной версии Дуняша вытаращила глаза.

– Вот как бывает... А я-то не додумалась. Ничего, сейчас милиция ходит по дворам да расспрашивает, кто что видел. Пойду и скажу насчёт быка – вдруг премию дадут за догадку. – Дуняша крутнулась на месте с ловкостью гимнастки и лихо засемила прочь, крикнув напоследок: – Если премию дадут, я тебе, Толенька, пачку сигарет куплю.

Стоило собеседнице ретироваться, как Марксишко почти влетел в дом, с такой прытью, похвастаться которой он не мог уже давно.

– Полундра, Иван, сейчас менты будут здесь. Вылезай из шкафа, – дрожа от страха, командовал Анатолий.

Савраскин слышал всё... Обомлев и представив себя в полосатых костюме и шапочке, да ещё на скамейке за решёткой, Иван вывалился из убежища и, закатывая глаза, воскликнул:

– Горе мне! Я так сильно любил свободу!

– Ты какого рожна разлёгся тут? Вставай, нужно мозгами шевелить, – негодовал Марксишко, предчувствуя, что вновь отдуваться будет он один.

– Толечка, пока не поздно, давай выведем корову на улицу...

– Поздно, – оборвал Марксишко. – Следует придумать что-нибудь иное.

– Толя, а затея-то с коровой – твоя. Отпусти меня, пожалуйста, не оставляй двоих малых деток без кормильца, – почти зарыдал Савраскин.

– У тебя малые дети?! – возмутился Звездочёт. – На прошлой неделе я видел старшего твоего с девахой, шли под ручку; а младшенького застукал недавно в магазине, вино покупал... замечу, покупал не одну бутылку, а несколько.

– Что делаешь, балуется иногда молодёжь, – оправдывал Иван сына. – Мозги нынче у неё зелёные, неокрепшие, глупые.

– Тьфу на тебя, червь! Я и без тебя управлюсь, – гремел Анатолий, метая слюну.

Повторять Савраскину не потребовалось. Не успел Марксишко выругаться, как Иван захлопнул калитку со стороны улицы и покатил в сторону своего дома, обгоняя лающих на него дворовых псов. В раздумье Марксишко присел на стул.

– Соображай, соображай... – внушал себе Анатолий.

Внезапно он подскочил и, ринувшись к шкафу, принялся что-то искать. Вернулся Марксишко с листком бумаги и огрызком карандаша.

– Я же говорил, что выкручусь, – выводя каракули на листе, шептал Анатолий.

Через минуту, украдкой, Звездочёт повесил объявление на калитку. Текст сей гласил: «Потерявшего корову прошу обратиться к Анатолию Марксишко. За хлопоты и сознательность приму небольшое вознаграждение».

Вечером, лениво разглядывая в лупу таракана и попутно слушая современную музыку, Марксишко пировал... один. На столе красовались литровочка самогона и банка килек в томатном соусе, робко горела свеча...

А в это время Иван Савраскин с трудом заставлял себя уснуть, чтобы не слышать музыку голодного желудка.

КВАРТИРА №2

Как-то раз, вечером, обитателей квартиры номер два побеспокоил гость. Впрочем, даже почти не гость, а так – гостюшка. Это соседский дворник приплёлся навестить своего коллегу по метле. Он редко бывал у Архипыча, но здесь всегда ему были рады до слёз – особенно после того, как наконец-таки удавалось затворить за ним дверь. Нет, он не буянил, не матерился, приходил всегда с бутылкой... Но в итоге!.. Выпивал три (две в счёт хозяев); а уж сколько съедал! Одних только сухарей миски две. Прорва, кабан ненасытный! А по виду-то не скажешь. Сухонький, низенький, плюгавенький. Как Архипыч, только без усов.

Так вот! Приплёлся коллега и засиделся. Но пришёл, как это ни странно, без бутылки. Хозяйка ёрзала на стуле, намекала: темно, мол, на дворе, время позднее... Нет, непробиваемый, бронезилет, а не гость.

Наконец, к вящей радости собственников квартиры, показалось, что непрошенный тип засобирался восвояси; однако неожиданно затронул наилюбимейшую, но весьма болезненную для Архипыча тему – любовь и преданность к работе, то есть к своему делу.

Ведь обычные темы их бесед были стариковские: маленькая пенсия, взрослые дети, обожаемые внуки, трудности с харчами... Но никак не о работе.

А здесь – на тебе! Пробило!

– Архипыч, что свежего у тебя на участке? Говорят, новую метлу получил, не мешало бы sprysнуть это дело, чтобы инструмент не прохудился. Что для писателя ручка, что для слесаря молоток, то для нас – метёлушка пушистая.

Глаза Архипыча засверкали, как алмазы, и в них отразился хрустальный блеск стакана. Несмотря на необычный взгляд хозяйки, которым она тут же одарила дражайшего супруга, а таким взглядом можно было осчастливиться, если, к примеру, посмотреть на кошку, нечаянно наступив ей на хвост, Архипыч искромётным движением оказался возле шкафчика; и вскоре перед гостем стояла заначка-бутылка с этикеткой самого ядовитого уксуса. В стеклянном пузыре аппетитно мутнела жидкость, купленная между дел в квартире номер десять у гражданина Белуги.

– Николаич, – сиял от счастья Архипыч. – А я забыл про обнову. Честное слово, забыл. Неужели я когда-нибудь зажил лил хоть одну новую вещь обмыть? Вспомни! Ни разу такого не было.

Николаич тактично промолчал, но отметил про себя, что прошлым летом на участок Архипыча привезли два новых мусорных бачка; но в итоге это событие улизнуло не отмеченным как полагается, а посему вскоре бачки бессрочно поржавели и перестали приносить Архипычу первоначальный доход, поскольку уважающие себя жильцы не ленились носить помой и мусор в соседний двор... в красивые бачки, к Николаичу. Как выяснилось, Николаич тоже в это время получил бачки, но, будучи деловитым и предприимчивым, на следующий же день сообразил один из бачков разрисовать сценками из мультфильмов. По правде говоря, не очень преуспел Николаич в изобразительном искусстве, но чтобы было понятно окружающим, он подписал каждый персонаж, дабы не перепутали Пятачка с котом Леопольдом; второй же бачок, долго не думая, подписал: «Спартак – чемпион!» – чем обеспечил популярность бачка в прошлом сезоне, когда команда достигла пика популярности. И тут же возле бачка стали тусоваться ярые сторонники спартачей. Пили, закусывали и спорили до утра, восхваляя тренера. И в нынешнем сезоне сей металлический ящик не утратил своей славы. Несмотря на то, что команда чередовала поражения и ничьи, преданные фанаты приходили к мусорному бачку на поклонение, как к памятнику былых заслуг, с ностальгией и слезами взирали на неактуальный лозунг, вновь пили, вновь закусывали, вновь спорили до утра, безжалостно утюжа тренера.

Тем не менее, как в прошлом, так и в нынешнем чемпионате, бачок по-прежнему приносит прибыль Николаичу, окупая его праведный труд дворника...

К слову сказать, Николаич свято хранил свой главный капитал: проницательность и предприимчивость.

– Да-а! Ты всегда отличался особым расположением ко мне, никогда не жался, если вопрос ставился ребром: пить или не пить? – поддержал он коллегу, при виде поставленной бутылки (третьей за сегодняшний вечер). Правда, совестно ему стало, потому что сам-то он не проставился Архипычу за бачки; а ведь, после дня художеств на бачках, всю неделю обмывал их, обмывал, обмывал... один, без лишнего содействия.

– Вот я и говорю: дороже дружбы, нет ничего на свете более святого. Так выпьем же за новую метлу! Пусть её черенок никогда не сломается, пусть прутья остаются длинными, гибкими, не обдираются и не лысеют. Пусть новая метла принесёт чистоту двора, сверкающий асфальт, лучезарные бордюры и... – Архипыч хотел сказать что-то насчёт зелени газонов, но передумал, заметив про себя, что это будет ущербным для тоста, неправдивым и чересчур вычурным, ибо напротив сидел коллега – профессионал. – Вздрогнем за метлу!

Отличный тост вкупе с благодарностью за деятельность в сфере дворовой чистоты Николаич встретил бурной признательностью, завёлся длительными, продолжительными аплодисментами, во время которых Архипыч, не теряя времени зря, налил каждому по полстакана.

Коллеги почтительно, стоя выпили за новое орудие труда, чем вызвали гибель очередной тысячи нервных клеток доброжелательной хозяйки, не оценившей по достоинству блестящую умом речь супруга.

– Вот-вот, – завёлся Архипыч, усаживая гостя, ставшего вдруг родным и близким всему его существу, – а говорят, кивают на меня: дворник, дворник... Но, мягко заострю внимание, я ведь еще и директор двора; а разница между мной и другими директорами совсем небольшая. Далеко ходить за сравнением не надо – сравнение живёт в соседнем доме; правда, я в однокомнатной квартире на первом этаже, а оно, сравнение-то, на втором – в двух квартирах одновременно. Я как бы неофициальный директор двора в Большом Совке, а оно – директор ООО «Русский Пролёт» господин Впескоструйкин Владимир Исаевич. У меня в подвале свой кабинет есть, на двери которого даже красуется буква «Д». У тебя, Николаич, что приходит на ум, когда на двери кабинета видишь букву «Д»?

– Д? – вскинул брови ушлый дворник, но догадку воздержался озвучивать, улавливая в вопросе некий подвох.

– Правильно – директор, – входил Архипыч в азарт разговора, тут же налил по новой дозе, и со словами: «За метлу – орудие чистоты на службе рабочих и крестьян!» – выпил.

– Гениально! – восхищённо воскликнул Николаич.

Тем временем неугомонный Архипыч продолжил:

– У нашего господина Впескоструйкина тоже кабинетик имеется, а разница только в том, что размером этот кабинетик аккурат в подвальное помещение всего дома приходится. Кстати, мы с Впескоструйкиным знакомы с детства, и в те голозадые годы имели много общего. Шалуны мы были... Помню, Как-то раз бывший дворник, а я ведь еще мальчишкой в то время был и только приглядывался к метле, взялся поливать цветы на клумбе. Поливает он, поливает, никого не трогает; а нам очень побаловаться возжелалось – просто жуть. Я подкрался к кранику и перекрыл воду. Дворник глядь – воды нет. Он в шланг посмотрел – вода не появляется. И тогда взялся зачем-то дуть туда. Впескоструйкин возьми (скумекал, надо признать, быстро) да помочись в шланг-то. Ох, и плевался дворник наш, ох и гонялся за мной, потому что Впескоструйкин вовремя смылся и был к тому же сыном адвоката. А отыгрался дворник на мне, на моих родителях, предоставив им в баночке вещественное доказательство. Я отнекивался, мол, давайте экспертизу проведём, мол, нет такого положения – детей наказывать за то, что они помочились в несоответствующем месте... Но не тут-то было, – сокрушённо покачал седой

головой Архипыч, продолжая: – Устроили мне не экспертизу, а самую настоящую экзекуцию. Мой батяня сказал: «Найду я такое положение». И нашёл: меж своих ног... взял головку... мою... зажал коленями... и долго – долго пришлось мне просить пощады под свист ремешка.

Скупая, замутившаяся, старческая слеза скатилась по небритой щеке Архипыча; Николаич же, изрядно накачанный самогоном, выпучивая глаза, глупо глядел на коллегу и никак не мог представить сидящего напротив старика, зажатого между коленей отца, громко рыдающего и просящего пощады. А ещё весьма его удивляло: неужели у отца в это время не кололись колени о толстую и густую щетину Архипыча.

Но мужеству и стойкости Николаича можно было позавидовать. Когда содержимое четвёртой бутылки пошло на стремительное убывание, а хозяйка удалилась в опочивальню глядеть прекрасные сны, он по – прежнему, силясь как мог, слушал душевные излияния Архипыча.

– Теперь мы с Впескоструйкиным подросли, но много общего у нас осталось, – бубнил Архипыч, запинаясь и смотря как бы сквозь собеседника. – Например, он как директор «Русского Пролёта» встаёт в пять часов утра, и я как директор двора от него не отстаю: в пять, как штык. Есть, конечно, и небольшие отличия. Впескоструйкин имеет «БМВ». Машина, то есть тачка, – блеснул он глубоким знанием современного русского языка, – я тебе скажу, Николаич, огромная: белая, блестит, длиной метров десять – не меньше. Этот «БМВ», говорят, подарили ему, а Впескоструйкин передарил его своей жене. Признаюсь, я слегка отстаю от своего друга детства. Но зато и у меня транспорт тоже на три буквы: Х... В... З... Харьковский велосипедный завод.

– М-м... – тужился Николаич выдать из себя хоть что-то ответное и грандиозное.

– Не утруждай себя, друг, – остановил его Архипович. – Да, у меня не машина, а велосипед. Но достался мне «ХВЗ» так же, как и «БМВ» Впескоструйкину, на халяву. Как-то утром встаю, выхожу на обход своей территории. Глядь! Велосипед стоит – бесхозный. Вначале всё я сделал по правилам: взял этот транспорт, завёл его к себе в гараж, тот, что в подвале находится, возле моего кабинета. Ждал дня три – думаю, кто-нибудь подойдёт, поинтересуется пропажей. Нет, никто не справлялся. Правда, на второй день приплёлся какой-то подозрительный тип: умаявшийся (шибко ветром его качало), с бутылкой водки в авоське, всех спрашивал про «ровор двухколёсный», потерявшийся у него. Я услышал расспросы этого чудака, но не решился выдать велосипед – не было существенных доказательств: мужик говорил, что «взял ровор на пару дней», но сам не помнил, какого цвета был этот самый ровор. Букву закона я усвоил. Ну а как три дня прошло, я, на правах нового хозяина, сделал велосипеду капремонт: удлинил багажник, так, что ровор стал восемь метров в длину, перекрасил в белый цвет (всё, как у Впескоструйкина). А теперь вот еду на этом транспортном средстве в магазин за... гм... Одним словом, после магазина я сам за собой велосипед волоку.

– М-м... – вновь Николаич подал голос.

– Не шуми, друг, не надо лишних слов. Дай порассказать. В общем, я задумал подарить «ХВЗ» своей жене: всё равно ездить сама не будет, да и не сможет, потому как с клюкой не расстается; а я, глядишь, старушку свою иногда за пенсией подвезу на восьмом багажнике сзади... А вот насчёт денег у нас с Впескоструйкиным ещё больше общего: он получает пенсию, и я тоже; он зарабатывает, и я тоже. Ты, Николаич, наверняка думаешь, что у него «левые» деньги есть, а у меня нет. Напрасно. И я имею такие материальные возможности поднять планку благосостояния своей семьи...

– М-м?... – выпучив глаза, всунул Николаич жидкую реплику.

– Что-то слишком ты словоохотливым стал за последний час, уважаемый мой коллега. Потерпи... на чём это я остановился? Ах, насчёт «левых»! Да, я сам! Сам! Зарабатываю «левые»: бутылки по утрам собираю, сдаю в аренду стакан утрене или вечерне страждущим, а они затем расплачиваются со мной пустой тарой... И не только, замечу, арендой промышляю, но и закусочкой иногда балую, ведь под моим началом мусорные бачки стоят... Ра-бо-та-ют!!!

Порой смотрю, кто-то выбрасывает сухарик. Я же подбираю его, напильничком подчищаю, и он, как новенький, остаётся лишь камушком по сухарику брякнуть и под это дело... то есть под бутылочку... крошечки в рот. Чем не закуска?! А бывало, что или кусочком «ржавенького» салца потчую, или даже мятый солёный огурчик подкидываю алканавтам, то бишь алкашам. Однако такие царские закуски идут за отдельную... повышенную плату... Да-а... например, за пачку сигарет. Правда, колбаску нынче выбрасывают редко, только после праздников, но зато уже нарезанную... впрочем, этого добра хватает только для моей семьи... А у тебя, Николаич, как дела на участке?

– М-м... – силится ответить Николаич, но в этот раз прикрывая глаза и рот.

– Короче, с мусорным бачком я оказался более предпри... мри... одним словом – изобретательнее любого молодого бритого бугая или этого зализанного старого мерина Впескоструйкина на его драном «БМВ» и с цепью на волосатой груди. А вообще, мусорка – это особое местечко, доходное, но О-очень препахучее... И доказывает, что на белом свете есть зоны, где прибыль и запах не только тесно соседствуют, но очень даже взаимосвязаны. К примеру, бумагу для повседневной нужды носит с собой не каждый, но деньжата почти у всех имеются, пусть и небольшие в номинале. А ведь в темноте при слабом освещении, кто разглядит, какую купюру использует, торопливо притаившись за бачком?... Два раза, не скрою, даже доллары попадались. Но мне по барабану... Рубль, два, доллар... в каком они виде, кто их пользователь. Деньги не пахнут – я в этом убедился, особенно после того, как их прополоскал в водичке с порошком от моей соседки тёти Аси... У нас, знаешь, в знакомстве имеются две необычные женские особи – вечно улыбаются, рады чему-то, жизни, наверное. Одна из них каждый день бегаёт со стиральным порошком по соседям и стирает сама... бесплатно. А другая... несётся вслед драить унитаза. «Кометой», в общем, хренью какой-то чистит... за просто так! Хорошо, но больно...

– М-м... – в очередной раз Николаич пытался открыть рот, но...

– Нет, не им больно – их вылечат! – мне смотреть на них больно... А вот ещё я говорил насчёт цепей на шеях нынешних братанов, то есть директоров. Да ведь у меня тоже подобная вещица имеется: я снял её в туалете с бачка, покрасил жёлтой краской, которая осталась после ремонта туалета возле Дома Культуры. Так она, цепь-то, ещё, пожалуй, потяжелее будет, чем те, что на шеях бритоголовых бизнесменов болтаются. Плюс ко всему, знакомый наш общий, сварщик Иван Савраскин, сварганил мне крест – кило на три тянет... Кстати, Николаич, ты примечал, как директоров называют?

– М-м... – усложнял себе дыхание коллега по работе.

– Правильно, как и меня мои жильцы – по имени-отчеству. Вот только различие в чём: директоров называют таким образом... в глаза; а между собой норовят «собакой» обозвать, «свиньёй» и, особо обидно, когда женщины кличут – «боровом». Можно подумать, что исключительно деревенская живность сидит в кабинетах. А для меня самое обидное услышать – просто Архипыч. Или же от детей – «хипарь» (это после того, как начал носить свою цепь с крестом, а также кепку «Босс») ... Кто такой хипарь – не знаю. Но что в зверинце хипарь не живёт – это точно. Сам проверял. Может, что-то красивое? Или кто-то?..

– М-м... – видимо, возражал Николаевич.

– Ну, это мы ещё удостоверим... А вообще, если, кроме жильцов, взять всех собак, котов, крыс, которые меня боятся, то я сойду не только за директора, но и за президента огромного объединения... Короче, друг Николаич, моя работа ответственная, хлопот много. Да что уж тут жаловаться! У всех проблемы. Сестра моя, в аптеке она работает, тоже сетует: «Скоро праздники, опять очереди будут большие. До праздников очереди за презервативами, а после – молодёжь бежит за тестами на беременность, а кто постарше – за слабительными средствами».

– За метлу-у, – наконец вымучил Николаич и, глядя на него, можно было подумать, что он крайне удивлён такому событию.

– Выпить хочешь? – спохватился Архипыч, безотлагательно наливая по сто пятьдесят.
Слегка взбодрившийся Николаич подтвердил догадливость друга волевым движением головы:

– Да! За метлу!

– Нет-нет, за метлу пили, – воспротивился Архипыч. – Давай другой тост.

– Выпьем! – поднимая высоко стакан, крикнул Николаич и собрался осушить посудинку, но не тут-то было.

– Э-э, не-ет. Очень просто, я даже сказал бы – сухо. Давай новый.

– Вмажем!

– Не обижай, друг.

– Вздрогнем! – не задумываясь, пытался исправиться коллега.

– Старо, как мир.

– Накатим по одной!

– Зря. Я собираюсь не по одной, ещё не глубокая ночь.

– Пропустим!

– Не пойдёт, девочек нет.

– Вье...

– Нет-нет, без пошлостей, пожалуйста. Мы культурные люди, культурно проводим досуг. Зачем, чтобы завтра соседи на меня пальцем тыкали?.. Они изо всех щелей услышат.

– Наступим на стакан!

– Уже теплее, Николаич. Ещё поднапряги свои мощные прямые извилины.

– Будем!

– Опять за старое?

– Дёрнем!

– Фу-у! – укоризненно качал Архипыч головой.

– Поехали!

– Да-а-а. Ты уже докатился.

– За здоровье ваше, а в горло наше! – выдал Николаич монолог.

– Это скупердяйство какое-то, – возмутился Архипыч.

– За успех! – тщился Николаич творить нечто оригинальное, но безуспешно.

– В труде? – иронично заметил Архипыч.

– Ключнем!

– Речь алкаша, не иначе. Ты скажи ещё тяпнем, хлопнем, хлебнём, дерябнем... дербализнем, в конце концов.

– За счастье!

– Дурень, счастье-то у тебя в руке, ты его греешь, но никак не выпьешь. Какое ещё тебе надобно счастье в наши года? Скажи ты что-нибудь человеческое!

– За баб!.. Архипыч, – взмолился Николаич, – у меня скоро водка закипит в стакане. За баб!!!

– Ну, наконец-то что-то путёвое услышал. Пьём! За баб!

Едва последние капли проскользнули из стаканов в желудки коллег-собутельников, как на пороге кухни появилась заспанная и взъерошенная супруга Архипыча.

На лице её несложно было прочитать крайнее возмущение.

– Сейчас... сейчас я с вами и за баб, и за метлу поквитаюсь, полуночники!

Быстро оказавшаяся в ладони прочная, выдавшая виды чугунная сковородка сталинских времён указывала, что для шуток места больше не оставалось.

Успев шустренько выпить, и тут же окончательно протрезветь, Николаич не стал дожидаться развёртывания боевых дальнейших действий, и через пару секунд стук его башмаков слышался уже в подъезде.

Оставшись наедине с супругой, Архипыч не бросился в бегство, а застенчиво (то есть, держась за стенку) заштормил мимо жёнушки.

– Главное, многоуважаемая и дорогая моя – это спокойствие. Правду я говорю, ненаглядная? – ласково проблеял он.

– Ты только не вздумай дойти и лечь возле меня, прилежный мой, – «ненаглядная» скрипнула последними шестью зубами и резким властным движением полководца указала Архипычу на входную дверь: – На коврик, марш на коврик!

– Иду, красавица моя бл... блондинистая, – не возроптал мужичок, но к коврику не направился, ибо лёгкий крен изменил курс дворника в зал. Однако и до него он, к вящему удовольствию жены, добраться не успел, поскольку по пути обмяк и завалился.

Мирно засыпая, ему мерещилось, что плывёт он по Тихому океану, а его всё крутит и бросает туда-сюда, а злобные буревестники бьют мощными клювами по его несчастной голове, да так и норовят, изверги пернатые, прямо в глаз попасть... в самый хрусталик.

Проснувшись, к своему удивлению Архипыч обнаружил, что не было вовсе ни океана, ни буревестников... А были лишь свежеобмоченный ковёр и дьявольски твёрдый выступ тумбочки, упёршийся в череп дворника.

* * *

Внуков Архипыч любил; но так как своих не имелось, как, впрочем, не было и детей, по этой самой причине любой голопузик вызывал в нём слёзы умиления и непритворную радость. Даже когда по долгу службы ему приходилось, превышая всяческие полномочия, пинать дырявым резиновым сапогом какого-нибудь малолетнего охламона за то, что тот изобразил три всем известные буквы на асфальте возле лежащего шланга... или же когда вынужден был гонять метлой низкорослого и мизеровозрастного хулиганчика за описанные из вредности лестницы (а может, такое безобразие происходило из-за элементарного отсутствия общественного туалета) – всегда чрезвычайно тяжело давались Архипычу эти бесстыдные преступные действия, и потому всякий раз сердце обливалось слегка взбудораженной и обеззараженной после магазина кровушкой. Ему было жаль глупышей, но иначе он поступить не мог – не позволяли ни возраст, ни хилые нервы, ни общественная сознательность в его лице.

Но в этот раз Архипычу пришлось столкнуться нос к носу (и очень тесно) с младенческой несмышлёностью и полным отсутствием в ребёнке такого понятия, как авторитет дворника.

С утра, едва Архипыч произвёл осмотр мусорных баков и приготовился подмести вверенную ему территорию, как вдруг решил предварительно отправиться на своём ХВЗ в ближайший магазин. Однако внезапно к дворнику подлетела соседка из девятой квартиры, чем-то явно обеспокоенная, но, правду сказать, весьма сногшибательная матрона. (Один только её взгляд шибал окружающих в пот, не говоря уж о массивном скульптурном ансамбле могучего тела истинно русской женщины по имени Марфа, своим видом и величиим сваливающей мужчин с ног).

– Архипыч, выручай! – всюю заголосила Марфа Виолетовна при виде дворника, что, надо отметить, крайне его удивило.

Архипыч, сколько себя помнил (а трезвым был он довольно часто, почти каждое раннее утро), доселе никогда не слышал причитаний грузной Марфы Виолетовны, разве что дикий рык, которым она одаривала супруга, когда дружки приносили того с работы, компактно укладывали у двери, нажимали кнопку звонка и убегали (кто мог, и как мог).

– Я прошу, чтобы мне эти дрова больше не таскали! – говорила или орала гром-баба вдогонку улепётывающим мужниным товарищам.

«Дрова», в лице Никодима Степурко, всегда лежали возле порога к моменту открытия дверей и служили заслоном к победному отступлению приятелей. А преграда-то для грандиозной Марфы Виолетовны, казалось, была что надо! Но... очень быстро бывший борец

и физкультурник – активист становился зачехленным телом, головой и душой и превратившимся из могучего атланта в бесформенную тушу...

Впрочем, о дружной семейке потом. А теперь...

– Архипыч, только ты...

– Что случилось, Марфа Виолетовна? Что стряслось, красавица?

– Необходима твоя экстренная помощь, Архипыч.

– Всегда рад помочь тебе, радость наша могучая.

– Помоги, голубчик, миленький...

Голубчик скромно потупил взгляд в землю и промолвил:

– Я рад всегда... что в моих силах, пока они еще есть.

– Нужно с внучкой посидеть, Архипыч. Часика два, не больше.

– Мне? – Искреннее недоумение мгновенно прочиталось на его преобразившейся и буквально на глазах помолодевшей физиономии.

– Ну я ж к тебе, а не к кому-нибудь обращаюсь, – сказала Марфа Виолетовна таким тоном, что дворник съёжился; но почувяв это, она вовремя опомнилась и продолжила слащавым прежним голоском: – Да ты не бойся её, Архипыч, внучке всего годик от рождения.

– Её-то я не боюсь...

– Прекрасно! – сотрясла воздух соседка так, что у дворника вновь отчего-то внутри похолодело.

– Прекрасное-то оно всегда прекрасно... – пытался он что-то лопотать.

– Вот я и говорю. Не больше трёх часов в общении с прекрасным дитём станет чудесным времяпровождением для тебя и оставит множество самых неизгладимых впечатлений.

– Неизгладимых? Где?

– То есть как где? В душе! В мозгах твоих х... хороших, – заскрежетала Марфа Виолетовна, и Архипыч поглядел на небо: не грозовая ли туча забрела ненароком.

– Согласен, посижу, наверное, с вашей внучечкой, – не успел обречённо промолвить он, как тут же его душевные шатания были пресечены жутким взглядом оскалившейся в улыбочке соседки.

– Значит так, сейчас ты, Архипыч, идёшь домой, а я через пятнадцать минут принесу к тебе нашего ангелочка, – молвила Марфа Виолетовна и внезапно захохотала так, что дворнику вспомнилось его счастливое детство, проведённое в колхозной конюшне.

Безотказному директору двора ничего не оставалось делать, как направить свои смиренные стопы домой и ожидать явления «ангелочка».

Действительно, вскоре, даже не постучавшись, в квартиру Архипыча вихрем вторглась Марфа Виолетовна с карапузом на руках.

– А вот наша крошка. Мы решили доверить вам наше сокровище на часика четыре, дольше не дадим. Затем мы заберём наше чудовищно привлекательное создание обратно. Надеюсь, вы вернёте нам внучку в целости и сохранности, а мы за это отблагодарим, как полагается. – Все слова женщина произнесла очень громко, но, как ни странно, это никоим образом не отразилось на спящей девочке.

Мужчина принял трясущимися руками драгоценный груз и перенёс его в спальню, где благополучно опустил на кровать.

– Не забудь, Архипыч, наше чудо надо покормить, когда оно проснётся. Ты уж хотя бы молочка дай внученьке, – напутствовала старика заботливая молодая бабуля.

«Хотя бы молочка, – с неприязнью подумал дворник. – Может, она решила, что мы со старухой такие бедные, что не в состоянии достойно угостить девчушку...»

Мысли новоявленного няня прервались хлопком входной двери. Таким образом Марфа Виолетовна благодарно покинула квартиру.

Целый час приёмная внучка Архипыча мирно спала и ничем его не беспокоила. Сам же дворник весь этот спокойный промежуток времени безотлучно провёл возле прекрасного чада, с умилением разглядывая абрикосовые щёчки и малиновые губки девочки, носик – картофе-линку и, словно перевязанные невидимыми ниточками, пухленькие, будто поролоновые, ручки чудесного дитяти.

Но сон не вечен... Обычный, человеческий, детский, любой, он прекращается...

Вначале встрепенулась голова ребёнка, вследствие чего ангельское личико резко побагровело от искажающих движений и стало вдруг схоже на мочёное яблоко; а затем истощный и высокий по ноте рёв разрядил затхлый воздух в квартире Архипыча, привёл в содрогание стены, и вверх в полное замешательство самого хозяина. Такого крика спальня одиноких стариков не слыхала еще со времён первой закладки кирпича, да и то... Даже матерные сиренные ругательства дражайшей супруги никак не дотягивали по децибелам в сравнении с воплем малышки.

Архипыч был слегка шокирован, однако быстро пришёл в себя и начал осмысливать сложившуюся ситуацию, пытаясь найти дальнейшие верные действия по её исправлению.

Да разве он не дворник?! Разве не умудренный опытом человек, неужели не мужчина?!

Давно замечено, что в критические мгновения рождаются наиболее ценные решения и верные ходы.

«Покормить!..» – выдала одна из извилин Архиповича талантливую мысль.

Дворник сорвался с места, чтобы бежать в кухню, но...

«Переодеть!.. Конечно, в первую очередь нужно переодеть!» – блеснула гениальностью другая извилина.

– Бабушка, называется, даже запасных памперсов не принесла! – вслух выругался старик, бросая камушек в огород Марфы Виолетовны.

Да-да, так и выругался, применяя слово «памперс», потому что, хотя не имел внуков, слыл продвинутым стариканом и в современных новшествах неплохо разбирался.

«Продвинутый старче!» – сам себя похвалил он.

Если бы Марфа Виолетовна находилась рядом, то из ушата нецензурной грязи, словесно выливаемой Архипычем в течение пяти минут в сторону грозной соседки, она могла бы много почерпнуть информации о себе, а иногда даже удивиться, узнав некоторые детали её личной жизни, а также жизни её дальних и не очень дальних родственников.

Одним словом – хватило всем... Хватило и ей на «пряники». Однако, к счастью, в этот момент её по близости не было, поэтому развеять слухи, узнать факты, культурно и интеллигентно возразить Архипычу, дабы уточнить, и, в свою очередь, внести определённую ясность по поводу также и его родни, естественно, она не могла...

Кажется, отвлеклись...

Поохав, похав, похулив, Архипыч с энтузиазмом взялся исправлять оплошность Марфы Виолетовны, применяя ноу-хау (новые технологии от умудрённого под воздействием времени и опыта старческого мозга, который за многие десятилетия научился выдавать ещё не такое!) ... Подумаешь, памперс!..

Опытный мозг, за годы не растворившийся в водке, не сгоревший от перца чили и белой горячки, закаленный почти ежедневными испытаниями трубными речёвками старухи (типа: алкоголик – старый хроник), начал активно функционировать, напрягаться.

Сняв использованный памперс и даже не поморщившись, ибо при работе дворника занюханый возрастной нос вдыхал ещё не такое, Архипыч отыскал целлофановый пакет, вырезал в нём две дырки для ног и напялил гениальное приспособление на малышку. Свободное пространство в пакете он забил ватой, изрядно залежавшейся на личной полке супруги.

Надо отметить, ребёнку подобное искусно выполненное, добротное и мягкое изобретение, по-видимому, пришлось по нраву. Девочка затихла, устремляя выразительный пытливый

взгляд на няня. В таком молчаливом внимании, с любопытством изучая друг друга, они провели минут пятнадцать.

Архипыч тихо торжествовал победу. Душа ликовала.

Первой нарушил тишину, безусловно, ангелочек. Совершенно неожиданно, без всякого предупреждения, как и подобает в её слюнливом возрасте.

Но Архипыч и здесь не растерялся, не бросился в панику. Не он ли достаточно прожил на белом свете, чтобы здраво и быстро выходить из, казалось бы, вовсе тупиковых ситуаций?! Не он ли один из мудрейших дворников города?! Естественно, именно он обязан проявить смекалку при любых непростых, даже безвыходных, обстоятельствах. А обстоятельства чего-то требовали...

– Что раскричалась?.. – начал было унимать Архипыч; но запнулся, так как выяснилось, что он не поинтересовался, как же зовут малышку.

Рёв продолжался, постепенно усиливая тембр.

– Эх, бабушкой называется, – укорял Архипыч Марфу Виолетовну. – Не удосужилась даже сообщить имя внучки. Как же мне теперь её называть?

Перебирая в памяти все девичьи имена, он решил остановиться на исконно русском – Варвара.

– Варварушка, внученька, что же ты плачешь, маленькая?

По причине своего почти пелёночного возраста Варварушка, естественно, ничего не сумела ответить дедушке, продолжая упорным плачем расшатывать стены квартиры.

После длительных увещаний, в ходе которых выяснилось, что девочка оказалась «малюточкой», «красотуленькой», «пупсиком», «ненаглядненькой», «козой», «заразой», «несмышлёнышем», «сволочью», «комком дерьма», «девкой подзаборной», Архипыч вскоре усомнился в своей порядочности и умении логически мыслить. Казалось, пройдёт ещё минута, и терпению придёт окончательный каюк.

– Ах, малышня голозадая, долго ты собираешься мучить меня? – отчаянно взвыл нянь, вытирая набежавшую слезу. – Где твоя совесть, замухрышка?

Совесть замухрышки, наверное, спала, ибо не откликнулась.

– Не замолчишь, придушу, подлюка окороковая, – погрозил рассвирепевший дедуля, но неожиданно просиял.

«Эх, юное создание с маленьким мозжечком, напрасно ты испытываешь мои нервы. Мой ум и моя находчивость – неисчерпаемы! Клондайк мыслей!» – взбодрился он, припомнив первоначальное желание, и выпалил вслух:

– Я знаю, что ты хочешь, маленький изверг. Ты хочешь кушать.

Не теряя времени, Архипыч метнулся в кухню.

Вскоре Варварушка сидела, подпёртая двумя подушками, по-прежнему нестерпимо кричащая; а перед ней, на кровати, стоял поднос с яствами, принесенные заботливым дедушкой. О! Чего здесь только не было!..

– Варварушка, посмотри, родимая, что я приволок тебе... Перестань плакать, телушечка безрогая. Советую взглянуть на то, что я принёс. Некоторые продукты я, можно сказать, от сердца отрываю. Вот, пожалуйста, в тарелочке творожок, что моя старуха намедни не дождала. Не хочешь? Нет вопросов, тогда могу угостить картошечкой с селёдочкой, которую утром я не утрамбовал. И это не по нутру? Ха-ха, тогда пельмешки в твоём распоряжении. Ничего страшного, что они малёк великоваты для твоего рта. Я их сам разжую, и твоя природная беззубость не будет нам помехой!..

Но нет, увы, все угощения, похоже, никак не соблазнили дитя. Варварушка, от чудных запахов незнакомых блюд и полной несостоятельности их испробовать, продолжала яростно сотрясать стены.

Но неожиданно рёв прекратился.

– А-а-а-а, наконец-то, Варвара, тебе что-то приглянулось... ну, солнышко, покажи дедушке пальчиком, что бы такого дать тебе пожевать, – обрадовался Архипыч и взял из одной тарелки ложку солёных грибов. – Грибочков желаешь?.. Нет? Тогда колбаски?.. копчёной?.. Что же ты киваешь головой? Или всего хочешь, или, наоборот, до полюбившейся еды ещё не добрались? О-о, кажется, твои глазки – маленькие, жадненькие – остановились на зельце. Ещё бы, губа – не дура. Посмотри, какой зельц жирный. Здесь много сала и прочих полезных и незаменимых для растущего организма веществ из числа субпродуктов. Немного печёночки, чуть почечек с запашком... и что-то ещё розоватенькое. Наверное, кусочек вымя... Нет, не вымя, а хрен какой-то... О-о, какой же зельц полезный, на вкус нежный, только что с морозильника, не успел зачихнуть... тает во рту. – Архипыч отрезал кусок продукта и с наслаждением забросил его в рот. – А главное – Какая удача, словно по твоему, внученька, заказу, вовсе не встречаются хрящи и косточ... Ах!!! – взвизгнул дворник и выплюнул на ладонь попавшуюся на зуб косточку; затем, пристально разглядев, кинул её на пол. – Надо же, а я думал, что зубу конец... впрочем, не будем отвлекаться, Варварушка, сейчас и тебе отрежу... Тебе, как себе, больше с жирком? Сейчас только щетину ножичком соскоблю. Представляешь, Варварушка, покупаю зельц – ни шерстинки не вижу. Однако едва оттаёт, сразу на мой подбородок похожим становится. Точно как после недельной небритости. Ничего страшного, сейчас я подбрею эту вкуснятину.

После недолгих манипуляций щетина в зельце была выщипана пальцами, а часть чуда – продукта вложена в беззубый рот малышки.

Однако старика ждало разочарование: то ли лакомство оказалось несвежим, то ли не по вкусу пришлось, но через минуту малышка выплюнула кусок зельца и издала такой оглушительный вопль, что бедолаге-няньке пришлось заткнуть уши ватой.

Но дедуля по-прежнему не отчаивался. Вспоминая своё ущемлённое во всём детство, он пошёл на хитрость: взял ломоть хлеба, пожевал его, а затем полученную кашицу не с первой, но со второй попытки загнал очаровательному, но беспокойному ребёнку в открытый от рёва рот...

О, радость! Вот она – победа! Подвигав посиневшими от усердия губёнками, Варварушка сдалась и проглотила массу.

В восторге от обретенной победы Архипыч бросился в пляс, чем обратил повышенное внимание девочки. Удивлёнными заинтересованными глазёнками она взидала на молодецкие па в исполнении дедушки. И дворник, вдохновляемый безмолвной поддержкой Варварушки, ещё яростнее пронёсся перед ней вприсядку, потом ещё и ещё нарезал круги в зажигательном разудалом танце, затем снова... пока, наконец, изумление и любопытство юной почитательницы его творческого таланта полностью не иссякли.

И тогда... она вновь заревела!

Но вдохновлённого Архипыча было уже не унять. Сообразив, что вверенный ему человек не является профаном в области искусства, он решил продолжить концерт.

В мановение ока дедушка притащил из кухни пару кастрюль и ложек. Долго не думая и без репетиций, он принялся выстукивать мелодию песенки «Голубой вагон», со стороны смахивающую на подобие симфонической музыки... и отнюдь не тихой.

Своими музыкальными данными Архипыч умудрился продержаться без рёва юную поклонницу ещё целых полчаса, пока, вконец измождённый и мокрый от усердия, не прекратил представление.

Упорное возобновление крика принудило дедушку вновь призадуматься. Сил танцевать и музицировать не осталось вовсе.

Но зато голосовые связки оказались еще способными извлекать прекрасный чистый баритон со слегка приятным поскрипыванием и хрипотцой. Недаром же старуха называла его горлопаном, когда он, приняв на грудь значительное количество горячительной жидкости, лежал

на диване и пел: «О, дайте, дайте мне свободу...» А ещё, бывало, во время праздничных застолий, когда пить, как и есть, большинству присутствующих было уже невмочь, всегда находился порядочный зритель, который, дружески похлопывая по плечу, просил:

– Друг Архипыч, выдай нам что-нибудь приятное – и погромче. И неважно, что из твоих уст самое колыбельное и самое классическое звучит одинаково. Но зато так душевно, что невольно хлынут слёзы, а по спине пробегутся мураши.

Ну как здесь не запоёшь, если ценят, любят, почитают... боготворят!!! Естественно, откроешь «варежку» и дашь фору магомаевым и шаляпиным. Про современных пиццалок разговора даже не следует вести. Врубишь самое высокое, «по самое не хочу» – и самому, глядишь, нравится...

Вдоль по Питерской, по Ямской...

Это рвануло из груди Архипыча.

Малышка, узрев в дедушке неплохого конкурента, пыталась ещё пару раз вякнуть, но...

Фигаро тут, Фигаро здесь...

Архипыч применил среднюю артиллерию.

Понимая, что опыта, как и возраста, не говоря об умении и таланте, у дедули явно больше, Варварушка притихла, предоставляя возможность показать способности тертому певцу, особенно, когда он полностью затмил и, так сказать, низверг её, только начинающую исполнительницу, вечно неувыдающим шлягером, всё тем же князем Игорем.

О, дайте, дайте мне свободу...

И малышка сдалась, и предоставила свободу – насладиться собственным пением пожилому, но сообразительному дворнику.

Однако «классика» быстро подточила его. Чувствуя, что не ровен час и придётся оканчивать пение обычным сипом, Архипыч плавно перешёл на попсу. Впрочем, пыкая-мыкая по одной-две строчки из песенок, он смекнул, что срочно следует менять направление. Поэтому, исполнив: «Двадцать сантиметров любви», – дворник умолк.

Из шансона и бардов он кое-что знал, но решил, что это будет скучным действием для Варвары, которая начинала кривиться, ёжиться, предупреждая о новой голосовой атаке.

Патриотизм! Вот в чём спасение.

Москва! Звонят колокола...

Архипыч рявкнул современный шедевр патриотической песни и...

Понеслось! Выручили, конечно, песни – патриархи.

«По долинам и по взгорьям» выдержала прослушивание удачно. «Там, вдали за рекой» немного озадачила Варвару, но дело до трогательных слёз не дошло, так как Архипыч резко сменил интонацию. «Врагу не сдаётся наш грозный „Варяг“...» Это прошло на «ура». Хотя аплодисменты не последовали, но улыбка девочки говорила о многом. Воодушевлённый тематикой, а также собственным приёмом исполнения, дворник, глотая горький комочек и смахивая слёзы, трогательно завёл «Интернационал». Постепенно наращивая тембр, он довёл звучание до верхней предельной ноты, но на самом пике его виртуальной славы абсолютно не вовремя вошла старуха.

...И с Интернационалом!..

Ещё на улице, услышав пение своего благоверного, она мысленно отметелила его сковородой и зверски выкрутила пальцы.

Посему взгляд вошедшей супруги не сулил Архипычу ничего приятного.

Однако состояние мужа перестало удивлять её, когда она увидела среди подушек прелестного ангелочка.

– Ой, бозе-бозе, кто присол к нам? – нарочно засюсюкала, зашепелявила старушка, кинувшись к напуганной девочке, которой появление новой няни пришлось не по нраву.

Может быть, прерванный некстати концерт наложил свой отпечаток, но Варварушка вновь заревела.

– А сто за бутусик, а сто за крохотулицька у нас в гостях? Сто, дедуська поёт, рычит свои заё... нехоросие песенки, пугает мальчика? Ух, мы покажем ему, мы накажем его, мы продадим его волкам на мясо. Ну-ну-ну, старый дурак!.. – Старушка схватила ладошку девочки и потрясла ею на Архипыча.

– Я... я... – пытался старик молвить что-то в своё оправдание, но был жестоко и бесповоротно лишён права первого голоса... и второго тоже.

– Мы, сказы, Манюня, давно знаем, кто ты, старый хрен. Да, Манюня?

За день во второй раз переименованное дитя, наверное, не пожелало быть в дальнейшем Манюней, а потому плач не прекратился.

– Что, крепко напугал ребёнка, ирод? Совести у тебя нет. Похабные и громкие песни поёт бедолажке и не думает, как вредно ребёнку слушать дикий рык старого дурня, – стыдила новоявленная бабуля, прекращая насилие над мужниными языком и горлом.

– Извини, но это не мальчик, а девочка, – осторожно вставил Архипыч, но озадачить уточнением супругу не удалось.

– Да мне по барабану – девочка или мальчик! – главное, живое дитя; а ты, понимаешь... У-ух! Кажется, разбила бы эту поганую морду, – решительно произнесла старушка.

– За что? Она же совсем маленькая... и чужая, – не на шутку сдрейфил Архипыч.

– Да не её морду, а твою, бродяга ты мусорный.

– А меня-то за что? – по-прежнему удивлялся дворник.

– Знала бы за что – совсем убила бы, – отчеканила супруга.

– Не сомневаюсь. Тебе бы дать волю...

– Пошёл вон. Оставь меня с Манюней! – рявкнула старушка. – Это так довести ребёнка... так довести. Посмотри, она тебя не признаёт, а может, даже и ненавидит, – сетовала она; а Манюня тем временем принялась захлёбываться от плача и слёз.

Архипыч, понимая, что дальнейший разговор не состоится, собрался выполнить приказ жены, но был остановлен окриком:

– Ты её переодевал?

– Варварочку-то? Да, подгузничек даже смастерил...

– Кормил?

– А как же без этого! Всего предлагал, даже тёртый зельц без щетины, но жёванный хлебушек ей больше всего по нраву...

– Молоко давал?

– Помилуй, дорогая, откуда у меня молоко? Я ведь не её мамка, и, смею заметить, вообще мужчина...

– Дурак!.. А сказки рассказывал?

– Как-как?

– Сказки, говорю, рассказывал Манюне?

– Нет, голубушка, только пел...

– Э-эх, дурак. Какой прок от твоего поношенного годами хрипа? Сказки... дети любят сказки.

Понимая, что совершил серьёзнейшую промашку в воспитании ребёнка, Архипыч виновато понурил голову и вышел из комнаты. Было обидно.

С этого момента Варварой – Манюней всецело занялась старушка. Надо отдать ей должное: она быстро успокоила девочку, демонстрируя ей вынутую изо рта вставную челюсть, а затем погремев пластмассовыми, необычайной белизны зубами перед глазами несмышлёныша. Что ж поделать, других игрушек у старичков на тот момент не нашлось...

– Утя-утя-утя. Пришли к тебе жубки, хотят шьесть, ешли не перештанешь плакать. Они ошень голодные и ждать не любят, вщё шгрыжут, до пошледней кошточкы. Утя-утя-утя. По шебе жнаю, што правда, – шамкала бабушка, оставшись без полезной для её возраста вещи.

Подействовало не быстро, а моментально быстро. Ещё бы, зубки-то были о-го-го... по величине. В противовес Манюня ничего не смогла продемонстрировать в силу возраста, а, соответственно, и поугатать было нечем, поэтому она добровольно отдала инициативу старушке.

А та и рада до... самого предела!

Вставив в рот привычным лёгким движением вышеуказанное незаменимое устройство, она продолжила, на этот раз чисто и не шепелявя:

– Наверное, скучно тебе, маленькая? Дай – ка я расскажу сказочку про... про... – заклинито старушку, лихорадочно перебиравшую в мозговых сусеках забытую, но нужную в настоящее время информацию; но никак не удавалось найти... даже названия сказок выветрились из головы, либо надёжно укрылись где-то в подкорке...

Ох, давно это было! Сказочки-то! Попробуй отыскать. Названия крутятся, а продолжения нет. Не то что продолжения, а Как-то и начала ни одного не вспомнить, только одни концы. Но конец не интересен, конец всегда один – хороший. А вот процесс... не лепится.

Совершенно потеряв надежду выполнить обещание, старушка от злобы схватила тарелку...

В тарелке находился салат из редиски, обильно покрытый белоснежным слоем сметаны.

– Про репку. Сказку про репку помню! – восторгалась бабуля сама себе и даже захлопала в порыве радости в ладоши, правда, не дождавшись ответной реакции со стороны дитятка.

Чутьочку, ради приличия, бабушка подбила подушки, чтобы Манюне было удобно сидеть, а затем начала, немного подумав и особо не фантазируя, чтобы не идти наперекор мировой многовековой практике рассказывания сказок. В общем, она не собиралась стать в этой области пионером и ломать древние традиции бабушек, дедушек и писателей.

– Жили – были дед и баба, – вкрадчиво произнесла она и призадумалась, глядя в тёмные большие глаза ребёнка.

В них хотя и читалось ожидание последующего хода, но по-прежнему оставалось удивление.

– Вырастил дед репку. Большую-пребольшую, – по крупницам выгребалось из памяти старушки. – И вот однажды захотел дед...

В этом месте и без того скудный поток информации, как выяснилось, окончательно иссяк, что принудило пойти на экспромт, дабы нечаянно не опозорить многомиллионную армию бабушек.

– И захотел дед поесть салата. Из репки, со сметаной, как водится у дедушек, на закуску, так как нормальный человек не станет кушать эту дрянью, – прорвало-таки рассказчицу – сказочницу. – А уж коль захотел он этой хреновины, значит, надо было достать из земли репку. А так как репка росла в своём огороде, то тратиться на поиски не пришлось... хватило бы силёнок вытащить громадную дуру. Вот и вышел дед в огород. Глядь! А репка-то вымахала таких размеров, что, пожалуй, одному не под силу с ней справиться. Почесал дед затылок. А что он думал?! Во-первых, в огороде он редко бывал. Там бабка корячилась в одиночку, пока дед на диване пьяный лежал или телевизор смотрел. Во-вторых, сказалось качество удобрения, доставленного из туалета на собственном горбу всё той же бабкой. А ведь если рассудить, то отчего удобрению быть плохим, когда пенсию маломальскую получали исправно, срок в срок. Да и куда деду управиться с этой самой репкой, когда силёнок от водки кот наплакал, геморрой замучил, давление высокое, ростом невелик, суставы ломит, наверное, к погоде, – славно окончила вступление старушка и поглядела в окно. – И впрямь, пасмурно... А-а... так вот, Манюня, дед был лодырь и пьяница, а соответственно, больной головой и телом. Поэтому

вышел он в огород, поглядел на репку, почесал затылок, задницу и воротился обратно в дом. Бабушка, то есть его законная жена, ни разу не изменявшая этому деду ни с одним дедом с их улицы, сидела и... думала, как бы собраться с силами испечь блинов. На большее, чем блины и яичница, денег, как ни крути, не хватает, может быть, президент пенсию прибавит, потому как мясо бывает через день, молоко и сметана иногда гостят только на ужин, а пенсия практически вся уходит на водку этому оглоеду-деду... а ещё на папиросы. – Старушка возмущённо покачала головой, но продолжила: – Так вот, Манюня, вошёл этот старый хрыч домой и говорит бабке: «Пошли, старуха моя лучезарная, красно солнышко, в огород, поможешь мне, значит, репу-то вытащить. Бабка поглядела на придурка пьяного (мол, думала по первым словам, что в кино приглашает, а не в огород), и ответила: «Ты, корч лысый, и вовсе сбрендил от водки. Мне, во всём больному человеку, предлагаешь репу тянуть. У меня в голове давление, в грудях кашель прижился, совсем замучил, проклятый, а сердце и вовсе дохлое, не говоря о печёнке, селезёнке, почке (только одна осталась, пятый годок пошёл); а уж мочевого-то пузырь как шалит – напасть целая. Суставы – особый разговор: делать ничего не могу, ходить не могу... А ты мне, гад, репу тянуть... то есть он предложил этой бабке. Канючил дед целый час, пока уговорил старушку пойти с ним в огород... Короче, пришли они. Дед взялся за это дело... ну... за ботву, начал тащить. Однако кукиш ему, а не репа. «Что приплелась, старая? Хватайся, бабка, подсоби», – кричит хилый дед. Бабуля ухватилась за... За что же она могла там ухватиться? – слегка притормозила фантазия старушки, но кумекать следовало быстро, ибо Манюня в нетерпении слегка скривила губки. – Так вот, деточка моя, ухватилась бабка за деда и потянула со всех сил. А какие-такие, Манюня, силы могут быть у двух пенсионеров? Пенсии вовремя, но маленькие... должны прибавить. Одним словом – слабаки. Дед окончательно приуныл. Как же ему без репки, с чем теперь сметану хлебать, водку закусывать? Но бабка ушлая была, посоветовала: «Не перди в муку, конь в штанах, пугало безмозглое, не делай пыли, сейчас приведу внучку». Сказано – сделано. Поковыляла старушка домой, кричит: «Эй, внучка, пойдём репку тянуть!» Та слезла с печи, недовольная такая, спала, наверное. «Что, бабка, орёшь?» Бабка рассердилась: «Нечего днём лежать, тунеядка, надобно помочь деду овощ поганый выдернуть в огороде». Надо – значит, надо. Потащились на этот раз обе помощницы в огород. Долго шли, а тем временем дед едва не изошёлся слюной от одной только мысли: репка, сметана... и всё это под водочку. А как пришли помощницы, так ухватилась бабка за деда, внучка ухватилась за бабку, за подол... Подожди, Манюня! Что-то не получается. Бабка есть, дед есть, внучка есть. А детей почему-то нет. Странно.

Рассказчица задумчиво почесала затылок, по ходу дела схватила кусок оттаявшего зельца и забросила в рот, не забывая при этом угостить Манюню. Ребёнок неохотно, но начал жевать, чем привёл старушку в неопишуемый восторг, дал новый толчок к сочинительству.

– Нет, Манюня, – продолжила бабуля, – вспоминаю, что не было никаких детей. Бабка, дед и внучка – эти присутствовали. А если сын был, то в тюрьме мог оказаться; если дочь, то в большой город подалась, распутница... А может, – неожиданно пустила слезу сказочница, – и вовсе их не было, не вышло по молодости... Впрочем, откуда тогда внучка? Хотя это всё сказка, – опомнилась она, – всякое может произойти. У нас дед Мороз тоже с внучкой Снегурочкой. А кто папа, а кто мама у Снегурочки? Так и здесь. Возможно, внучка усыновлённая, или же, к примеру, суперсовременная – пробирочная. Главное не это... Но то ли внучка немощная попалась, то ли репа действительно оказалась не по зубам – однако толк не вышел. Репа как сидела в грядке, так и осталась сидеть спокойненько. Вдобавок ко всему, молодёжь нынче хлипкая – прокуренная, пропитая. Они репку тянуть не умеют, только вино тянуть из горлышка способны, да мальчики девочек тянуть... Нет, рановато тебе, Манюня, глазками не хлопай, слушай дальше... А как получился у стариков облом с внучкой, так они и пригорюнились, призадумались. А внучка долго думами не маялась (наверное, в голове у неё что-то было), позвала на помощь Жучку, беспородную сучку. Почему беспородную? Потому что

толку от Жучки оказалось, как наутро от «Нарзана» нашему деду. Его, алкаша беспробудного, наутро только мысль стограммовая заставляет подняться и идти двор подметать... А в нашем случае вот что получилось: дед за репку, баба за дедку, внучка за бабу, Жучка за внучку. А итог: не репка, а хрен достался им. Но шавка беспородная, чтобы из неё не сделали шапку, метнулась в сторону и вскоре вернулась с кошкой... Повторили попытку: дед за репу, баба за деда, внучка за бабу, Жучка за внучку, кошка облезлая за сучку, немощную, течную, поди... Концовка та же. Напряга много, воздуха тяжёлого выпущено столько, что от туалета меньше смердит, а репа – по-прежнему сидит себе и сидит, ботвой весело машет кучке доходяг... Дед уселся посреди огорода, слёзы горячие льёт: хочется ему салату, у него бутылка где-то запрятана, а закуска в грядке... Впрочем, кошка облезлая оказалась не промах: через минуту – другую притащила за хвост мышку, подсобить всей этой ватаге. И опять. Дед за репу... треклятую. Баба за деда... стонущего и плачущего. Внучка за бабу... орущую благим матом. Жучка за внучку... то ли прокуренную, то ли пропитую, то ли пронюханную, то ли проколотую... Не-не, Манюня, я про проколотую не в том смысле. Ты сиди смирно среди подушек, не крутись. Проколотая от иглы – вот я про что... Короче, кошка за Жучку... блохастую. Мышка за кошку... плюгавую, облезлую. А теперь вопрос: если они вытащили репку, а они это сделали с первого тяга, то была ли мышка? Я долго, Манюня, не думала, потому что однозначно ясно: мыши не было и быть не могло... Была крыса! И очень большая и сильная. Не криви губки, не тарачи глаза, а посуди сама, Манюня: такая банда не могла вытащить репку, а тут мыша какая-то дохлая помогла. Не-ет. Там была крыса. А если была крыса, то перед ней никак не могла быть кошка. Кошка ловит крыс, а коты нет, так как крысы котам бьют хвостами по этим самым делам...

Старушечье расследование прервалось мелодичным звонком в дверь.

Вскоре в комнату вплыла Марфа Виолетовна, довольная и светящаяся, как начищенный перед Пасхой водопроводный кран. Впрочем, узрев разносолы, расставленные перед внучкой, в лице посерела, вмиг омрачилась, ухватила своё бесценное сокровище, щекой проверила температуру малышки и стремглав бросилась к выходу.

– Марфа Виолетовна, ваша Манюня – идеальное дитя, сущий подарок для семьи: не плакала, кушала хорошо. Может, вам на дорожку зельцу дать... с солёным огурчиком? Зельц качественный, бритый, огурчик лёгкой солёности, с прошлого лета. Манюне еда понравилась... Мы помогли, чем могли – разжевали... – напоследок добавила старушка, доброе сердце.

– Бежим отсюда, Варварушка, бежим, маленькая. И не исключено, что сразу же в больницу, – причитала чем-то озабоченная соседка, крепко прижимая внучку к груди; а в глазах стояли слёзы и страх.

Архипыч, высунув нос в приоткрытую дверь, с радостью отметил:

– Манюня, Манюня. А я сразу догадался, что Варвара – вот это по-нашему.

К счастью, надо отметить, Варварушка в больницу не попала, однако лишь благодаря оперативно принятым многоэтапным клизменным процедурам. Впрочем, Марфа Виолетовна так и не отблагодарила Архипыча, начала сторониться его, даже не бросая дежурные: «Доброе утро». В общем, никакое добро не остаётся безнаказанным.

КВАРТИРА №3

Бурное и шумное проживание семейки в квартире номер три объяснялось тем, что там вкушал радости совместной жизни не только дедушка, старичок неопределённого возраста, у которого, на удивление, сохранилось былое обилие волос на лице и голове; но вместе с ним веселье стеснённого бытия разделяли папа (дедушкин сын), мама (повторная жена папы), а также их совместные детки: доченька-ученица десятого класса, акселератка, давно избавившаяся от прыщей, и сынок – институтский парень чёрствого телосложения и необычайно бледного вида, однако иногда весьма шустрого поведения.

По правде говоря, в этой семейке не только будущий молодой специалист имел бледный вид. И по самым разным причинам...

Как-то раз мать семейства выглянула в окно. Она часто смотрела в окно, особенно, когда время приближалось к всеобщему семейному кормлению, вероятно, надеясь увидеть на балконе вместо тонконогой синицы весьма румяного поджаристого гуся с брюхом, туго набитым сочными яблоками.

– Ах, отец, – тихо вскрикнула женщина в тот день, обращаясь к мужу, – тебе не кажется, что из форточки дымком пахнет?

Дедушка, сидевший до того смирно, как, впрочем, всегда в ожидании дежурной миски каши, неожиданно встрепнулся, сжал сухонькие кулачки и, трясая ими над головой, изрёк:

– Я чувствую сладкий запах сражений.

Доченька – школьница, также присутствующая в кухоньке, принялась и, скрытно улыбувшись, вставила:

– И я чувствую этот приторный запах.

– Может быть, дом горит? – не унималась мать, пытаясь всунуть голову в форточку.

Только теперь отец, лёжа на диване в зале, как и подобает главе семейства, соизволил бросить реплику:

– Возможно, запах существует в действительности, но я не ощущаю его после того, как жилец из смежного дома сломал мне нос.

– Кажется, дым из соседней квартиры. Ещё немного помедлим, и наша загорится – Тогда нам всем хана приснится, – ужаснулась жена, на этот раз тщетно прилагая усилия освободить застрявшую в форточке голову.

– Даже если из соседней квартиры, то ничего страшного, – вновь подал голос отец, отдохавший после напряжённого трудового дня. – Я тоже, когда наметни дымок увидел, сразу подумал, что соседний дом горит, пожарных вызвал. А на следующий день встречаю жильца, так он мне, вместо благодарности, нюхалку-то испортил. Говорит, что у него не квартира горела, а травка курилась. Он, понимаешь ли, нарколог, потому ставит опыты: выращивает какую-то чудесную траву, ухаживает за ней лучше, чем ты на даче за клубникой. Может, и Витя Белуга из десятой квартиры что-нибудь подобное творит, эксперименты ставит? Надо бы сходить всё-таки, проведать.

Мать, наконец, освободившись из деревянной оконной ловушки, удивлённо прильнула к окну, устремляя пытливым взглядом через стекло.

– Не надо куда ходить, знаю, чем оканчиваются походы к Белуге. Тебя потом от него выносить надо будет... нет у Вити полезных опытов, только самогон и глупые стишки... Кстати, а что же за травка у жильца из соседнего дома?

Отец не решился при детях перечить матери, отложил вояж к Белуге, но, по-прежнему вперив глаза в потолок, задумчиво произнёс:

– А бес её знает, эту травку. Нарколог сказал, что помогает она почти от всех хворей, даже при смерти смеёшься. А главное, очень быстро действует. Он её выращивает на балконе, уха-

живает за ней, а потом курит, курит, курит... опыты над собой, значит, ставит, как истинный, бескорыстный, человеколюбивый медик. Тяжело ему, бедолаге, ведь даже живность никакую к опытам не привлекает... Вот только жаль, что нос мне сломал, изверг.

– Ну и как результаты? Он не говорил, не делился впечатлениями? Не лечит ли эта чудная травка, кстати, мигрень, которая меня одолела? – заметно оживилась мать.

– Не знаю, Изольда, что и сказать. Результат нашего разговора у меня на лице... Носа жалко. Получается, что впечатлениями он делился, но было больно. Лично у меня впечатления от встречи совсем нехорошие. А как на голову травка действует – не знаю. Наверное, прекрасно, потому что жилец этот, медик подопытный, вышел из дома только что покуривший – я тогда ещё нюх имел – и был этот эскулап необычайно весел, жизни радовался. У меня пронеслась мысль, что опыты у него проходят успешно... Жаль, скотина, нос сломал, – сетовал Володя.

– Да-а, – приуныла почему-то Изольда, – человек занятой, учёный, опыты проводит... опытный, значит, денег много. Надо бы, Володенька, к нему на приём попасть, проконсультроваться. Может быть, у меня головные боли исчезнут, и я буду наслаждаться жизнью. А если он недоступен на работе, то я согласна к нему в квартиру, с частным, так сказать, приватным визитом.

– Ну-ну, попробуй, – зубами заскрипел Володенька. – только смотри, не ночью. Он по ночам, говорят... как это... это самое... шныряет, что ли.

– Ах, лихо! Неужели, ворует, шельмец? – вскрикнула мать.

– Шируется, наверное? – в разговор встряла дочь, глупенько хохотнув и закатив глазки с пушистыми наклеенными ресницами.

Отец, никак не утруждая себя подняться с дивана, почесал затылок и неуверенно пробормотал:

– Кажется, да. Шируется. Я в медицине не знаток. Однако, мать, если хочешь, чтобы всякий бред лез тебе в голову, засорял и без того непросторные извилины, а также чтобы запахи в кухне и в туалете стали для тебя одинаковыми, что неминуемо повлечёт избавление от головных болей, то можешь незамедлительно вызывать пожарных к этому доктору... а вечером обязательно нанеси ему визит и признайся в содеянном, то есть в посильном участии. Лично я, по его словам, если ещё раз наберу 01, следующие праздники в течение лет трёх буду встречать в реанимации.

– Зачем ты о грустном, отец? – всполошилась супруга.

Однако тут же тайно ухмыльнулась, выживая из памяти давнишний эпизод, когда смелый муж решил (правда, немного «приняв на грудь») покататься на пони в парке культуры и отдыха...

– Да не я ли прихожусь сыном замечательному кавалеристу, да не я ли являюсь славным патриотом и защитником Родины?! Несомненно, я, – спросил и сам же себе ответил Володенька в тот день, с ходу попытавшись оседлать малорослого скакуна.

Приём слегка не удался, Володя чуть не перепрыгнул лошадку, однако этого оказалось вполне достаточно, чтобы выходной день окончился для него на больничной койке...

* * *

Но как он держался! Как держался! Орёл! Смелчак! Истинный потомок кавалеристов в вековой семейной истории. Не плакал! Не стонал! Впрочем, немножко охал.

Изольда вспомнила, как вошла первый раз в палату. Супруг лежал весь перебинтованный, лишь правая ладонь изъясляла некоторые стремления двигаться. Видя несчастного Володю едва ли не в образе мумии, она участливо заворковала:

– Вовочка, ты умираешь?

Среди бинтов, там, где находилась голова, что-то блеснуло.

«Глаз», – догадалась жена.

– Да-а, Изольда, срок бытия истёк, – слышался голос любимого мужа, тоскливый и натянутый.

– Может быть, ты хочешь что-нибудь в последний раз? – смахнула слезу супруга.

– Да-а, Изольда, – по-прежнему звучало оттуда, из-под бинтов.

– Ты желаешь покаяться, Вова? – не унималась жена.

– И не только, Изольда.

– Ты, верно, хочешь выпить?.. закурить?.. Проказник, – в шутку пожурила она.

– И не только, Изольда.

– Может быть, дать тебе лекарство? – Ненаглядная вскочила со стула, повернулась к мужу двумя округлыми нижними половинками и закопошилась в тумбочке.

– Дай, Изольда. Ох, – мучительно слышалось от этого забинтованного кокона; но глаз уже не блестел, а, примагниченный взглядом к заду женщины, сиял, искрился.

Изольда, по-прежнему не меняя позы, перебирала стекляшки и бумажки в поиске нужных лекарств; а в это время у Володи отчего-то расшевелилась ладонь, начиная сокращать расстояние между женской попкой и мужским терзанием.

– Вова, – вдруг спросила супруга, краем глаза улавливая движения благоверного. – Вова, скажи последний раз в жизни: ты хочешь женщину?

Глаз внезапно потух, ладонь затряслась, и через пару минут безмолвия слышалось жалобное прошение:

– Дай, Изольда. Дай напоследок хотя бы потрогать...

Как ей, верной и нежной супруге, было не прослезиться от подобной просьбы, да вот выполнить – никак не было возможности, соседи по палате явно не дремали. Однако, повернувшись к мужу, она утешила:

– Не переживай, Вовочка... Я буду к тебе на могилку приходить каждый день и на неё садиться...

* * *

– Ужинать!.. Ужинать будем, мать? – рявкнул голос из зала и прервал сладостные воспоминания Изольды.

– Будем, будем, – затараторила она и кинулась к работе за плитой.

Вскоре желание помочь изъявила доченька Даша, однако не надолго, ибо из зала стали доноситься загадочные охи-вздохи.

– Ты, отец, чем там занимаешься? – настороженно спросила Изольда.

Вздохи и причмокивания продолжались.

– Пойду, посмотрю, что папа делает, – улыбнулась дочь, готовясь удалиться.

– Нет, Дашенька, я сама, – возразила мать.

Но ничего особенного, как выяснилось, в зале не происходило. Отец лежал смирно, впрочем, с улыбкой и, сладостно вздыхая, просматривал журнал.

– Наконец хоть чем-то занялся, – облегчённо выдохнула Изольда. – Скоро ужин готов. – А заодно поинтересовалась у муженька: – Володя, кстати, как тебе завтрак? Понравился?

Владимир, прервав листать журнал, и не обращая никакого внимания на слова жены, вперил взгляд на обложку.

– Бурда, – произнёс он и вновь продолжил изучение журнала.

– Как, бурда?! – тараща глаза, злобно и громко выжала из себя Изольда; казалось, её гневу нет предела. – Котлеты жирные?!

– Почему же сразу котлеты? – вздрагивая от неожиданного возгласа, пролепетал Владимир. – И почему жирные?

Здесь он удивлённо взглянул на супругу, затем вновь обратил взор на обложку.

– Бурда. Котлеты?.. – пробовал глава семьи нечто оспорить, но был остановлен бордовой от негодования Изольдой.

– Как, бурда?.. Да ведь ты облизывался, старый хряк, слюнями давился, чуть было пальцы себе не откусывал, – бичевала она мужа.

Отец посмотрел виновато на журнал и пожал плечами.

– Может быть, сразу, в запале... Однако вовсе я не облизывался, и вовсе эти, как ты их называешь, котлеты жирные, мне не нравятся. Не в моём вкусе. Правда, они не жирные, а даже наоборот – худые какие-то макаронины.

– Макаронины? – выпучила супруга зенки. – какие макаронины? Котлеты были с рисом. Признавайся, у кого ты ел макароны? Сам себя с требухой выдал, бабник несчастный!

– Постой, постой, мать, – начал врубаться Владимир, понимая, что для него разговор может закончиться плачевно и ненароком усугубиться рукоприкладством со стороны жены, что сулило ему всю будущую неделю применение тонального крема вкупе с пудрой.

– Что постой?! – кипела Изольда, вырастая в глазах мужа и приближаясь к нему явно не с намерением поцеловать.

– Изольдочка, какие макароны худые, какие котлеты жирные? Ведь я говорил тебе про девочек из «Бурды». Они мне не нравятся... и их одежды.

На полушаге жена остановилась и оторопела.

– Какие – Такие девочки? Из какой-такой бурды?

– Из журнала «Бурда». На досуге у нашей доченьки взял полистать. Смотрю... вот... Наташи, Лизы, Маши, Катюши... И ни одна, заметь, не приглянулась. Слышишь, мать? Хорошо слышишь?

– На досуге? Да у тебя, туняец, все дни и ночи – один досуг. Лишь кряхтеть и чмокать можешь, глядя на других. Одно успокаивает, что только глядя...

Накалившуюся обстановку разрядил дедушка, мирно дремавший доселе. Он встрепнулся и поднял руки.

Вот он – герой! Былая удаль и отвага!

– Катюши! Катюши! Да-да, Катюши! Эх, бывало, во время войны залезу на «Катюшу» – то на одну, то на другую – и поливаю, поливаю, – громко заскрипел старческий голос; а в подтверждение своих слов дедушка затряс кулаками, изображая, как он строчил из пулемёта.

– Катюши?! Так у тебя их было несколько? – улыбаясь, восхищённо молвил отец.

– А как же! Много! Как только одна выходила из строя, я на следующую вскакивал.

– Эх, тебе раньше можно было менять Катюш, как перчатки... А теперь, дед, СПИД! – вначале с завистью, а затем грозно досадовал Володя; было слышно, как скрипнули его зубы.

Весело выпорхнула из кухни дочь Даша и лукаво улыбнулась:

– Дедушка спит?

– Мала ещё!

– Уши заткни!

В один голос заревели родители на своё чадо – десятиклассницу.

– Отлично, пройду, прогуляюсь по улице.

– А ужин? – забеспокоилась мать.

– Потом... Успеется.

Вскоре стукнула входная дверь, и Володя, сокрушённо покачав головой, изрёк:

– Бурда – она и везде бурда... Повзрослела... Про СПИД знает.

Он глубоко вздохнул и отбросил журнал прочь. Неожиданно ему вспомнилось, как неделю назад пришлось сдавать анализ крови.

* * *

Нет, сахара в крови у него не обнаружили, как, впрочем, и иной гадости. Однако повторный анализ обязали сдать. Причём, в достаточно специфическом диспансере.

Очередь за результатами, следует отметить, была небольшая. В отличие от хвостов в водочные отделы, здесь главенствовали вежливость, терпение и относительный покой.

Кстати, очередь-то состояла в основном из молодёжи. Почти все готовы были пропустить перед собой любого очередника... Но наглых желающих не находилось. Правда, настроение у ожидающих, судя по лицам, было тревожным... Наверное, что-то изменилось в природе, возможно, магнитные бури навяли в головы что-то недоброе. Лишь иногда, нарушая тишину, похохатывал рыженький молодой человек, глядевший куда-то в никуда.

После первого же пациента, который вышел из кабинета, Володе прояснилась ситуация и стала понятна таинственная тишина... Нет, тот великовозрастный парень не выходил, а почти выползал из кабинета, с бумажкой в руке. И неслышно плакал.

В очереди появилось оживление, и прошла некоторая нервозность. Только рыженький по-прежнему блаженствовал, радуясь чему-то своему.

– Ну, что? – взволнованно спросила особа женского пола, по виду которой можно было констатировать: девушка лет шестнадцати, в блестящей красной курточке, яркой, как красный фонарик.

– СПИ-ИД, – сквозь слёзы пропел парень с бумажкой.

Вновь очередь умолкла, затаилась. Вновь тягостные минуты потекли, как смола, долго, нехотя.

– Как? Что? – всё та же сочная спелая девица встретила дежурными вопросами следующего молодого человека, буквально выскочившего из губительного кабинета.

– СПИД! Подонки! Негодяи! Всех напалмом!.. Всех! – голос негодования сотрясал воздух.

Как прежде, рыженький никак не отреагировал на крики, но остальные ждали вердикт для следующего очередника. Впрочем, когда за справкой, вихляя бёдрами и поправляя голубой шейный платочек, отправился то ли мужчина, то ли женщина, присутствующие понимающе переглянулись: только таким сюда и ходить, можно плюс ставить сразу, глядя не на анализы, а на физиономию.

Не ошиблись, угадали.

Некто среднего пола вышел, но на этот раз не заигрывая бёдрышками, а поддерживаемый под руки санитарями. Никто ни о чём не спрашивал, но санитары сами доложили:

– СПИД у него, СПИД!

– Да, у меня спит, на полшестого всегда показывает. Мальчики, приглашаю желающих в номера, – вяло проурчал выводимый.

Наконец очередь дошла и до рыженького.

Ничего особенного. Рыженький выплывал из кабинета спокойно, медленно обернулся к девушке, самой, наверное, любознательной, и сказал безразличным голосом:

– Ну-у, СПИ-ИД. Ну-у и что?

Бедная девушка, казалось, затряслась всем телом. Было от чего! Ей следующей предстояло переступить порог столь страшного кабинета, где одаривали результатами анализов.

Минут пять прошло, и она... вылетела, выпорхнула, энергично захлопала в ладоши. Затворив дверь кабинета, девушка с восторгом посмотрела на бумажку и принялась с благодарным восторгом её целовать.

– Ничего не нашли? – подал голос кто-то из ожидающих; голос завистливый, ядовитый, едкий, разочарованный.

– Нашли! Нашли! – в припадке радости кричала счастливица, не переставая лобызать результаты анализов.

– Что? – удивлённо брякнул всё тот же завидующий голосок.

– Нашли! Ха-ха! Гонорею нашли!

Можно представить, что испытывал в это время наш Володя! Это было что-то между холодильником и баней. Порой его начинало трясти и знобить до посинения, иногда его про-

шибал пот, а сухость во рту, казалось, превратилась в необратимый симптом. Смутно догадываясь о вероятном заключении врача, он вошёл...

Вышел, как павлин, громогласно объявив, гордо, степенно и надменно:

– Стоите? Стойте, друзья, ожидайте... А у меня ничего нет.

* * *

С каким наслаждением вспоминал он эту историю. Ещё бы! А ведь всякое могли обнаружить эти очкастые эскулапы в белых халатах. Естественно, Володя как примерный семьянин, каким он себя представлял, мог заранее быть спокоен за результат (кроме, конечно, сахара); однако эта Катерина из одиннадцатой квартиры пусть и не разведённая, но не совсем надёжная. Да, впрочем, за один-то раз... да с Катей... да с... В общем, ведь всё нормально? Всё. Значит, проехали.

Нежданно быстро пришла дочь. Не ко времени, едва только Володя намеревался уцепить Изольду возле трельяжа и, глядя в зеркало, насладиться собственным любовным размахом и блестящей изобретательностью. Что поделаешь, вынужден был скоренько привести в надлежащий вид подол халата жены и свои спортивные штаны, то есть занять исходное положение.

Однако глаза Володи, блестящие от несостоявшегося наслаждения, но огромного желания, могли довести до дочери ненужную для её пытливого ума и незрелого возраста информацию и выдать родителей с потрохами. Необходимо было нейтрализовать ситуацию; а ещё Изольда, пунцовая щёками и горевшая очами, могла нехотя засвидетельствовать дочери о тайном намерении «предков». Нехорошо! Отвратительный пример для молодёжи! Ребёнок приходит с прогулки, дедушка мирно храпит, раздувая занавески, а «старики» шнуркуются перед зеркалом. Что подумает молодая, неопытная, зелёная, можно сказать, особа с десятилетним стажем учёбы в школе? Ничего хорошего. Разве что посоветовать, чтобы родичи посмотрели вначале современные сказки с пышногрудыми «тёлками и мадамами» и гигантскими, не знающих усталости, мужиками, которые «тащатся» по полчаса без перерыва и постоянно лупцуют своих сказочных героинь... партнёры по мягким человеческим местам и по синюшным от гематом ногам.

Действенное решение было найдено быстро, точнее сказать, молниеносно.

– Дочуля, – начал глава семьи, стараясь нахмурить брови и дышать как можно ровнее. – Дочуля, давно я не видел твоего дневника... даже не припомню, как он выглядит. Принеси мне его, порадуешь родительские глаза, подсласти душу. Надеюсь, на этот раз у меня не будет расстройства желудка от вида твоих крепких оценок. Раньше, как припоминаю, из них забор можно было городить.

Удивлённо вскинув бровь, Даша бросила взгляд в сторону «родаков» и, ни о чём не догадываясь, чему-то улыбнулась и примерно последовала исполнять просьбу отца.

– Да-а-а, – удовлетворённо кивая головой, промолвил Володя, немного полистав дневник дочери, – кривая успеваемости, хотя и медленно, ползёт вверх. В прошлом году были двойки и тройки, а в этом, гляжу, двоек мало. – Вдруг он радостно вскрикнул: – Батюшки! Даже четвёрку нашёл! По физкультуре! Горжусь! Гимнасткой, наверное, хочешь быть. Это хорошо, сдвиги имеются. Предмет, конечно, не главный, но мне приятно.

Восстановив свой привычно-бытовой цвет лица, в дискуссию вступила мать.

– Ты что, совок, с дивана сегодня свалился? В этом году уже введена десятибалльная система. Какие сдвиги? Если и нашлись сдвиги, то у тебя сдвиги... по фазе. – Женщина pokrutila пальцем у своего виска.

Но глава семейства не сдался.

– Нет, мамуля, я рассуждаю так. Если в прошлом году двойки, в этом тройки, значит, в следующем пойдут четвёрки. А если, глядишь, вдобавок и двенадцатый класс введут для обучения, то, наверное, отличницей станет.

Немного подумав, рассудив, что спорить с супругом – это равносильно заставить ишака написать слово «мама», Изольда удручённо произнесла:

– К двенадцатому классу, возможно, она и будет отличницей, но ты и я – станем к этому времени уже дедушкой и бабушкой.

Однако настоящий дедушка вдруг засуетился. Всё это время, казалось, дремавший, он вдруг очнулся (а ведь его никто не звал, не беспокоил, лишь бы не мешался и спал) и громко-гласно, как мог и умел, пробасил:

– Дважды два – четыре!

Без слюны плюнув на пол, мать указала на потревоженного свёкра.

– Вот-вот. Дедушка четыре класса окончил, но неплохо сохранился до своих дряхлых лет. К тому же и поёт, правда, теперь каждый день. Нам в такие годы будут другие песни петь, другие молитвы читать.

Но в этот раз главу семьи было не пронять. Он решил сопротивляться и отстаивать своё мнение.

– Ты не торопись, мамуля, – начал он, – с такими оценками естественно, юристом не станешь, но в институт самоуправления – можно попробовать.

Даше, по-видимому, перспектива понравилась, потому как её ладоши соединились, наполняя комнату громкими овациями.

– Да. Мне идея по душе, – залепетала она. – Если слегка подучить математику, подтянуть физкультуру и развить голосовые связки на занятиях по пению, то почему бы и не дёрнуться? Только нужно нанять репетитора. У меня на примете есть один. За пару годиков обучений он меня подтянет... И к тому же недорого возьмёт.

– И с кем ты, интересно узнать, собираешься подтягиваться на занятиях... недорого? – насторожился отец.

– С Гришей Пахарем, знакомым моей подружки Тони...

– С кем?! – казалось, удивлению и возмущению главы семьи нет предела; у него странно задёргалось лицо, а внутри похолодело и затрясло. – С кем? С этим Гришей Пахарем? Знаю я Тоню и Гришу. В прошлом году твой хваленый Пахарь позанимался с Тоней Залетайло. Достаточно оказалось двух совместных занятий, чтобы через девять месяцев потяжелевшая Тоня залетела, но только не в пединститут; и теперь будет воспитывать не чужих детей, а в первую очередь, своего новорожденного малыша. Лично мне такие подтягивания не по вкусу. А как тебе – не важно, – отрезал отец.

Дашенька надула губки, обиделась на родителя.

– Но мне надо поступить в институт. Ты сам сказал, что в самоуправство пробовать можно. Подтверди, мама, что я способная.

Однако мама на сей счёт усомнилась:

– Конечно, в принципе... если постараться... мозги у тебя в хорошем состоянии, и очень даже возможно, что на самоуправство их хватит, если мы с отцом вложим немного денег. Однако если позанимаешься с Пахарем, а он действительно пахарь хороший, тогда, боюсь, ты поступишь не в институт самоуправления, а намного быстрее угодишь в роддом, и с такими темпами школу окончишь с медалью матерью – героиней, и я буду бабушкой-героиней, а твой отец – дедом-героинем... И за эту перспективу мы должны платить твоему Пахарю?! Недорого, блин!

Судя по реакции, глава семейства почувствовал предстоящую прореху в семейном кошельке. Он темпераментно почесал макушку с двух сторон и подозрительно спросил:

– Подожди, мамуля, а ты откуда знаешь, что Пахарь – пахарь хоть куда? И при чём здесь дед-героин?

Несмотря на пониженный тон, которым отец пытался подобраться к истине, в очередной раз проснулся дедушка и вновь затряс руками.

– Я герой! Я настоящий герой!

Мать воспользовалась неожиданной подмогой и незамедлительно перевела разговор в другое русло:

– Дашенька, бери пример со старшего брата. В твои годы он корпел над учебниками, книгами. Даже одну энциклопедию пролопатил. «Энциклопедия для молодых мужчин» называется. Я разок взглянула в эту книжицу. Очень и очень любопытная, просветительная. А уж какие фотографии – и – и!.. Любо-дорого смотреть, – улынулась женщина. – Не то что в твоём журнале. Сами жерди – и ноги у них жерди. А в энциклопедии... ого-го! Впрочем, увлеклась. Ты, Дашенька, главное слушайся маму, а я тебя всегда пойму и поддержу... Ох! Забыли! Как же там, в институте связей, наш сын Густав сдаёт экзамен? Сегодня многое решиться должно. Если принесёт «хвост», тогда ему не учиться дальше, а работать на благо общества придётся.

* * *

А в это время Густав, предварительно выпив горсть таблеток валерианы и запив чем-то из небольшой бутылочки, которая сразу же пошла между студентов по кругу, изрёк:

– Для храбрости таблеточки принял и водой святой их обмыл.

Изрёк и вошёл в аудиторию. Приблизился к экзаменатору скромно, неспешно, и, наверное, весьма волновался, потому что со стороны было видно, как основательно его штормит.

«По-видимому, чрезвычайно переутомился перед экзаменом. Бедняжка», – мысленно посочувствовал пожилой преподаватель, кандидат наук, и предложил:

– Тяните билет, пожалуйста, если вас не затруднит, будьте так любезны.

– С-с грандиозным удовольствием. Тянуть я люблю и умею, – на достойное приглашение достойно ответил Густав; однако ручки задрожали, и студент никак не мог ухватить билетик. – Но лучше я приму этот дар из ваших рук.

– Если вам угодно – я поспособствую, – положительно отреагировал светоч науки, выбрал бумажку с вопросами и протянул.

– Благодарствую, – учтиво молвил Густав, неуклюже пытаясь выудить билет из ладони преподавателя.

– Вы так усердно берёте билет, что скоро выверните мой палец, – интеллигентно заметил кандидат наук, без особого успеха выдёргивая перст из крепкой трясущейся ладони экзаменуемого.

– Но я же стараюсь... – Густав наконец поймал билет, но последовали очередные трудности: строчки, как зайцы, прыгали перед глазами, и студент тщетно пытался расшифровать их.

К счастью, на помощь пришёл опыт: Густав прикрыл один глаз, и текст билета сдался.

– Билет номер тринадцать, – разглядел парень и густо заблестел от покрывшего его лоб бисера пота.

– Руки трясутся? Однако вы чрезвычайно нервничаете, переживаете. Иначе, как со слезами, на вас не посмотришь, – вздохнул преподаватель.

– Да, нервы шалют, и трубы горят, – вытирая испарину, молвил Густав.

– Простите, какие трубы?

– Это я к слову, – нехотя ответил студент и почесал кадык.

– Вот и прекрасно. Успокойтесь. Отвечайте на первый вопрос.

Густав вновь прикрыл глаз и вымучил:

– Вашингтон.

– Чудесно! Рассказывайте о Вашингтоне. Соберитесь с мыслями.

– И куда?

– Простите, что куда? – удивился преподаватель.

– Куда собираться.

– Нет, никуда собираться пока не надо. Для начала ответьте на первый вопрос, а позже я укажу вам путь... Итак, Вашингтон – это...

– Вашингтон – это... это... – Было видно, что мысль Густава притаилась где-то среди извилин и упорно не рассекречивает себя.

– Вашингтон – это... Ну же, студент, дерзай. География – великая наука, и ты обязан её знать, – слегка закапризничал светило наук.

– Вашингтон – это...

Густав мучительно копался у себя в мозгах, но нужного шарика не находил.

– Вашингтон. Вспоминайте, друг мой, не волнуйтесь, не торопитесь, но помните: время – деньги...

– Да, деньги! – осенило студента. – Вспомнил! Вашингтон – это мужик, нарисованный на долларе. Наверное, хороший мужик, если на хорошие деньги попал. Не каждому дано...

– Видится мне, что на хорошие деньги попал не только Вашингтон, если вам больше нечего добавить, – удивился преподаватель, потирая левую ладонь. – Впрочем, вы можете дополнить, кем он был и какой город назвали в его честь?

– Кем он был? Ну-у, если портреты пишут с натуры и если есть женщины натурщицы, тогда, значит, он был мужчиной натуралом... или натуралистом, – блеснул эрудицией Густав, постепенно восстанавливая выжимать мысли.

Ответ озадачил экзаменатора и смутил, поэтому он принял легко предполагаемое решение:

– А каков второй вопрос?

– Латвия, – выдавил Густав и почесал голову.

– Великолепно! Рассказывайте про Латвию, – нетерпеливо заёрзал преподаватель, и ладошка его ещё больше засвербела и вновь подалась к студенту; однако и в этот раз ничего посчитать не удалось.

– Латвия – это... страна, – попал в точку Густав.

– Наконец-то! – воскликнул кандидат наук. – Сколько же можно выдаивать ваши глубоко засекреченные познания? Или вы нарочно тяните кота за?... – раздражённо бросил он, но уточнять не пожелал, за какой кошачий орган взялся Густав. – Итак, Латвия – это государство...

– Да, Латвия – это государство, – испуганно вторил студент. – Там... там...

– Скажите на милость, откройте тайну, юный агент, – терял самообладание преподаватель, – выдайте мне хотя бы, на каком языке там разговаривают?

– Там... там... – заикался Густав.

– Да, там!!! Ну, вспоминай, бестия, сатрап! Я тебе подсказку дам. В Италии на итальянском, во Франции на французском. В Латвии...

– На латинском, – догадался студент, обнажив в улыбке жёлтые, утомлённые курением зубы, и задышав на преподавателя запахом лосьона «Лесной».

Как итог, небольшая седая поросль на голове кандидата принялась медленно возбуждаться и превращаться в стрижку «ёжик».

– Боже! – истерично воскликнул он, опять подсовывая левую ладонь... безответно. – Пусть будет По-твоему... Однако ваши знания заслуживают оценку «два». Впрочем, я дам... я дам... я даю вам ещё один шанс выудить из вашей сокровищницы – головы спасительный ответ. Поднапрягитесь и вдумайтесь в вопрос. Только не чрезмерно напрягайтесь, в аудитории душно... Итак: что импортируем мы из Индии?

– Вы? Из Индии?

– Да. Мы из Индии.

– Из Индии? – Глаза Густава расширились до размеров преподавательских линз в очках, в них вспыхнули огоньки, характерные после принятия внутрь средства, типа лосьон или лекарственное народное средство боярышник.

– Извольте потрудиться, дружище. Что наша страна закупает в Индии?

– У Индии мы покупаем... – тужился Густав.

– Ну, вспоминайте! Взбодритесь! Опять даю наводку. Утром вы встаёте... Слоники на этикетке... Вы пьёте... Прилив бодрости, настроения, голова ясная, желание учиться...

– По утрам? Точно по утрам? – Изумление Густава было предельное, а глаза приняли размер вытянутой преподавательской ладони.

– Да, каждое утро! Для тонуса! Для настроения!.. – бесился учёный старец, шаря глазами по своей ладошке.

– Не знаю, Семён Семёнович, – наконец разродился студент. – Честно сказать, слоников на этикетке я не разглядел, но нарисованные огурцы помню отчётливо. Значит, в Индии мы закупаем рассол.

Казалось, очки кандидата наук медленно приподнялись, а ладонь, по-прежнему страждущая, но пустая и остававшаяся без работы, резко дёрнулась в исходное положение и захлопнулась.

– Больше шансов я вам не дам. Вы, Грызлов, несчастный нахал. Идите. Два.

И тут Густав вовремя вспомнил о денежных знаках, кои припрятала ему мать, заботясь о положительном результате экзамена.

– А у меня, Семён Семёнович, имеется десять... – таинственно шепнул студент и пошелестел в кармане.

– Тогда... тогда два, – понял преподаватель, что пришло время вновь привести в действие левую ладонь.

– Мой ход – пятнадцать.

– Тянет на двойку с плюсом.

– Кладу двадцать.

– Теплее, дружище, смелее и, главное, чаще, – питал надежду старичина.

– Ну, знаете... тридцать. Или вынужден согласиться с парой, – памятуя, что тридцать – это число окончательное, ибо остальное ушло намедни в ресторане и сегодня в парфюмерном.

– Скромно, – вздохнул кандидат наук. – Жаль. Три, – отрезал он, по опыту уяснив, что студенческий родник иссяк.

Ладошка приветливо открылась, продвинулась к Густаву. Вскоре ладони соединились в крепком прощальном рукопожатии.

Преподаватель улыбался, был весел.

Студент скалил зубы, был счастлив.

КВАРТИРА №4

Этого случая Андрей Чайка ждал пятнадцать лет, то есть все печально прожитые годы, сознательно проведённые в супружеской маете, хотя не омрачённые официально собственной супружеской верностью. Столько лет! Столько лет он тайком воровато оглядывался на симпатичных фигуристых девушек и женщин; и вот, наконец... сбылась мечта прилежного семьянина. Теперь не надо коситься одним глазом на прохожих женского пола, а другим – на приевшуюся супругу; нет надобности бояться ехидных взглядов соседей и родственников, чтобы ненароком спросить время у понравившейся девушки; нет необходимости опасаться встреч с кем-то из знакомых, когда внезапно приспичит заглянуть в ресторанчик, заказать немного водочки с салатом из свёклы под дивным названием «Рассвет», а потом подсесть к приглашённой красавице, так просто – поболтать; нет нужды для поиска съёмной квартиры на час... Нет, теперь не надо коситься, бояться, опасаться, таиться, потому как, благодаря многолетней работе токарем и небольшой сумме денег, которую он предусмотрительно подсунил в виде презента профсоюзному чинуше, ему – Андрюше Чайке-торжественно преподнесли бесплатную путёвку в Евпаторию – на курорт, о котором он грезил с самого слюнвявого возраста.

Сбылось! Он едет один, оставляя жену охранять квартиру и ухаживать за десятилетней дочерью Ксюшенькой. Конечно, слов в свой адрес он услышал от благоверной намного больше ожидаемого, но не все реплики и высказывания носили характер правдивый, посему озвучивать их нет смысла... Однако...

Однако вот уже два чемодана собраны и через час в путь. Пропуская мимо ушей ласковые эпитеты (некто из мира животных), Андрей понял, что не только нежных прощальных слов и рыданий перед дальней разлукой, но даже одинокой лаконичной слезы ему от жены никак не дожждаться.

– Таисочка, – грустно промолвил он перед отъездом, – мне выделили бесплатную путёвку. Разве можно было мне отказаться? Меня сочли бы за дурака, не иначе. Согласишься, любимая?

– Если бы я была любимая, выпросил бы путёвку и на меня, – капризничала супруга, но добросовестно и аккуратно собирала для мужа в дорогу кое-что из провизии.

– Но она бесплатная... – потупив голову, оправдывался Андрей.

– А где же премии за полгода? За какие заслуги путёвкой одарили? Подозреваю, что ты всегда припрятывал денежки для личных целей, – сокрушалась мнительная жёнушка.

– Таисочка, премий не было, их обещали выдать в конце года изделиями завода, – пытался супруг пройтись по ушам любимой.

– На какой ляд мне твои изделия? Ты ведь точишь прокладки «Влага-плюс» для унитазов «Унитаз-плюс».

– Ничего страшного. Получу прокладки и начну своё дело. Я даже придумал рекламу, которая поможет мне их реализовать. Послушай мой шедевр, Тая! «Вовремя меняя прокладки „Влага-плюс“, вы предотвращаете обильную течь, экономите драгоценные капли жидкости для „Унитаз-плюс“, а значит, делаете времяпровождение на устройстве незабываемым и комфортным, без посторонних неприятных запахов...»

– Тогда к прокладкам требуется и кондиционер, – вставила Таисия.

– Не волнуйся, всё продумано. К прокладкам в набор будет прилагаться и кондиционер, и телефон, и магнитофон, и... штопор, – увлёкся Андрейка собственной идеей, в мечтах просчитывая, где ему построить свой собственный шикарный офис.

– Штопор-то зачем? – удивилась жена.

– Для экстренного случая, если кто пожелает там же и винца выпить, желудочек продезинфицировать...

- Тогда ещё и клизму в набор...
- Отличная мысль. И таблетки на все случаи жизни – от запора, от поноса.
- А пить из чего будет человек? Необходим стакан.
- Правильно. И вдобавок ко всему, народные средства окажутся необходимы. Итак, сушёная черника, рис – от поноса, оливковое масло – от запора...
- Нет-нет, масло не всегда помогает, лучше обычное мыло по кусочкам всовывать... Проверено!
- Батюшки, опаздываю! – вздрогнул Андрей, глядя на часы.
- В общем, получилось: расстались полюбовно, без эксцессов.
- Ты продумай, что ещё можно предложить в наборе, и прозондируй почву, в каком банке нам лучше хранить будущие накопления, узнай процент... А главное: спланируй отделку нашего офиса, – произнёс последние наставления Андрей, целуя в щёчку свою ненаглядную и плавно удаляясь с лёгкой душой.
- И ты не трать напрасно время. Мозгуй, в какие страны сплавлять продукцию возьмёмся, какие края посетим во время заслуженного отдыха. Валюта, валюта нам нужна, – напоследок напутствовала Таисия, грезя о тазиках с долларами и евро, кастрюлях с золотом и драгоценностями, чулках, набитых рублями... вообще о деньгах.

Сердце начинало оттаивать, душа расплзлась в иллюзорных фантазиях, а мозги закипали от сумбурных мыслей... Какие же неиссякаемые материальные блага сулила продажа обычных заводских прокладок! Несложные математические подсчёты будущего главного бухгалтера преуспевающей фирмы показывали, что за год успешных продаж вполне хватит скопить средств для покупки острова в районе каких-нибудь Бермудов. И это только для начала! Затем можно и в Испании или на Кипре вложиться, приобретя небольшой фешенебельный отель. Таисия млела от предстоящего счастья, стряпая на ужин овсяную кашку на молочке.

* * *

Андрей не опоздал. Успел даже заскочить в привокзальное кафе, прозванное мужичками «блеволярней», и с удвоенным удовольствием от мысли о предстоящей поездке, обещавшей много изумительных дней и массу приятных и заманчивых знакомств, осушил пару стаканчиков «беленькой». Конечно же, не обычных стаканов по двести граммов, а пустячные, любительские по сто пятьдесят. Впрочем, сия процедура негативно подействовала на самочувствие Андрея, поэтому ему пришлось изрядно потрудиться, чтобы прилично втащить своё шмотьё в нужный вагон и пытаться устроить своё тело в горизонтальное положение для просмотра эротических снов.

Однако приятные сновидения отложились. Как водится в наших местах, началась неразбериха с билетами. Билетов номер пятнадцать оказалось два. К вящему неудовольствию Андрея, одним из обладателей бумажного близнеца явился он сам. Выслушав от нашего путешественника пару нелестных эпитетов, равнодушная проводница пообещала утрясти проблему до следующей остановки; и временно втокнула Андрея в соседнее купе, чтобы несчастный пассажир успел привести в норму свою нервную систему.

По закону несправедливости, это купе уже приютило четыре лица. Все присутствующие, к особому изумлению нашего героя, не обратили на него ни малейшего внимания. Решая не тревожить царящую тишину, Андрей скромно поместился одной половинкой на краешек сиденья. По-видимому, здесь находился отстойник для пассажиров с ущемлёнными правами. Рядом с Андреем уютно расположилась пара супругов средних лет, а напротив ни на кого не обращая внимания, лобызалось молодое поколение. И все почему-то молчали.

Только парень с девушкой звонко чмокались и непринуждённо обнимались, словно находились в купе одни, и смущение было им неведомо.

Как в кино, Андрей воззрился в целующихся острым похотливым взглядом. Украдкой озабоченно наблюдала за влюблёнными жена из пары постарше.

– Смотри, Ваня, – наконец потревожила она идиллию тишины и тихо заскрипела – заскрипела восторженно, поскольку не выдержала больше лицезреть порывы чужой страсти. – Ну посмотри внимательно, хорошо-то как, Вань...

Муж, до сего момента безразлично изучавший обшивку потолка, принялся лениво помешивать ложкой в стакане с чаем и безразлично пробурчал:

– Что ты хочешь, занудочка моя?

Громкое постукивание ложечки о стенки стакана заставило жену одарить испепеляющим взором мужа, покоситься на раздражившие её психику объекты и зашипеть:

– Не мешай, ты им мешаешь. Посмотри, Ваня, как в фильме, как раньше мы...

– То мешай, то не мешай. Да я себе мешаю, а не им.

– Ой, Ваня, ты только взгляни на них. Какие они миленькие, словно голубочки райские, – шёпотом восторгалась супруга.

Оставляя стакан в покое, муж безучастно посмотрел на молодёжь.

– Эка невидаль, – всего-то изрёк он.

– Ты хоть на девушку обрати внимание. Какая милотидная, хорошенькая... А ты так можешь?

Муж, тараща глаза, одарил благоверную таким взглядом, который должен был запомниться ей надолго.

– Девушка, конечно, хороша, – раздраженно рубанул он. – Но она ведь девушка, не мне ровня.

Жена, кивая в сторону пылкого парня, залепетала:

– Ваня, ну, пожалуйста, возьми с юноши пример.

И муженёк, вздыхая, не стерпел:

– Милая, я бы с превеликим удовольствием и огромной радостью показал бы, как это делается, проявил бы профессионализм, использовал бы полученные за много лет навыки... но, любовь моя, я же вижу эту девушку впервые, и лично с ней не знаком. А такое действие, красотулечка, случайной связью попахивает.

Громкий шлепок по щеке предшествовал звону разбившегося стакана...

– Эй, пассажир, – раздвинула дверь и буркнула проводница, – выходи с вещами. Я тебе место подыскала.

– Надеюсь, не возле туалета? – осторожно задал вопрос Андрей, рискуя быть отправленным куда подальше, и с радостью покинул весёленькое купе.

– Напрасно надеешься, пассажир. Как раз возле него, всем необходимого... Однако тебе повезло: полка нижняя, все интересные запахи улетают на верхнюю...

Андрей, понимая, что доказывать что-либо бесполезно и накладно, вернее сказать, даже чревато для здоровья, прошатался к указанному проводницей месту и, даже не постелив простыню и наволочку, завалился на тугой матрац. Спать! Несмотря на слегка тронутый алкоголем мозг, он сообразил: следует отдохнуть и встать через два часа бодрым и неотразимым...

* * *

Да-да, через два часа он обязан встретиться с той, незабвенной, с которой знаком вот уже целый год. С той, которая уговорила его на совместный отдых в Евпатории, с той, которую он с завидным усердием домогался целых три месяца, а после девять месяцев еженедельно водил в одну и ту же квартиру, где они в тесном единении искали тайный смысл жизни, обсуждали новости политики и культуры, попутно затрагивали вечные вопросы бытия, предсказания апокалипсиса, а также активно обсуждали современные модели тормозных колодок наряду с проблемами вентиляционных систем... а ещё слегка касались вопроса о разногласиях религиозных конфессий. Если учесть, что его секретная пассия к тому же любила лошадей, регулярно посещала конеферму и оказалась абсолютно не профаном в области астрономии, то Андрей

весьма и весьма к ней привязался, можно сказать, прилип; и отпереться от совместной поездки ему было не под силу.

Случалось, поглядит Андрей в окно, покажет рукой на звёзды, переложит Зину на другой бок, сбросит одеяло и заворкует:

– Вот, Зинуля, видишь, там Большая Медведица, таМ-малая. А Вот-вот-вот... Стрелец...

– Ах-ах... – прикрыв на миг глазки, завздыхает Зина. – Красив Стрелец, многозвёздочен.

– Конечно. Твоего любимого жеребца, знаю, тоже Звездочётом кличут. Много – много... на крупе у него пятнышек, – начинал Андрей усиленно вздыхать.

– Ах-ах... Хорош жеребец. Молодой, стройный, – в унисон ему учащала дыхание Зинуля.

– Как красива сегодня луна. Круглая, ясная, аппетитная. Так и хочется её потрогать. А если бы их было две, то я бы, я бы, я бы... сжал бы их в своих крепких ладонях воедино... Кстати, у кобылиц вымя имеется?

– Ах-ах... Зачем тебе кобылица? У неё пстрички, а не вымя, зелёной можно мазать. Вот у Звездочёта... У-у-ах...

– Я бы ему, ему, ему... по этому делу... – войдя с Зинулей в полный резонанс, расходился Андрей. – Но ты, Зина, Нет-нет-нет... не Зина, а Венера. Так-так-так... Венера.

– О-о... Я Венера. Красиво-то как, Сатурн ты мой ненаглядный.

Вот в таком духе и беседовали они по ночам, считали звёздочки, и рассказывали друг другу немало занимательного.

* * *

Ровно через два часа, проспавшийся и взбодрённый тремя стаканами кофе с коньяком, Андрей вышел в соседний вагон, куда на следующей станции должна была садиться Зина. Сугубо в целях конспирации любимая женщина Андрея оказалась вынуждена взять билет из соседнего города...

После страстных и долгих лобызаний, выражающих взаимные приветствия, Андрей и Зина решили для начала уединиться в вагоне-ресторане. Но напрасно: народу было много, шумно. А престарелая отварная курица с салатом из ветхих капустных листьев и до неприличной наглости разведённый коньяк едва не испортили встречу и предстоящий совместный отдых.

Трястись и покачиваться в пути пришлось двое суток, в течение которых Андрей как истинный кавалер безотлучно следовал за подругой, наведываясь в свой вагон только для того, чтобы проверить личные вещи и поспать. К обоюдному несчастью, в поезде, этой здоровенной длинной бандурине, никак не находилось места для интимных разговоров про жеребцов и для бесед, где можно было посчитать, сколько парсеков между головой созвездия Рака и хвостом созвездия Льва.

В итоге, пресытившись каждодневной недоступностью Зиночки, Андрей начал заметно нервничать и почему-то заглядываться на проступающие треугольнички на попках девиц и туго набитые аппетитной плотью лифчики. Подружка узрела косые взгляды Андрюши и дала понять, что путешествие в Евпаторию вполне способна совершить индивидуально.

Поддействовало. В дальнейшем он стал заглядываться на чужое бельишко только будучи один, и обильное слюноотечение при взгляде на Зинулю резко возросло. Сей факт, естественно, не мог не отразиться на взаимоотношениях двух поборников свободной любви на стороне.

Ещё бы! Ещё как отразился!

Едва расселившись по номерам пансионата, Андрей и Зина тайно воссоединились в её апартаментах (к слову, на одну персону, с индивидуальными туалетом, ванной, кухонькой) и трое суток подряд со дня прибытия провели в совместном санаторном гнёздышке, игнорируя свежий воздух и бесплатную кормёжку. Чем они восстанавливали свои силы – неведомо, но после долгожданной вылазки из номера, вдоволь, наверное, наворковавшись, насчитавшись и наспорившись, они предстали отдыхающим и персоналу пусть и слегка помятыми, похудев-

шими, и не выспавшимися, но в весьма бодром расположении духа. Чрезвычайно важно отметить, что Андрей, сразу же спустившись в магазинчик, купил два литра сметаны и умял продукт за один присест. Нечто подобное он проделал к вечеру с приобретёнными по смешной южной цене петрушкой, луком, грецкими орехами с мёдом, а также восточными загадочными травками и пряностями. А для верности успеха, прежде чем прокрасться на ночь из своего номера в Зинин, Андрей выпил участливо предложенную ему в местной аптеке чудодейственную таблетку, состряпанную из опилок рогов молодого северного оленя и порошка измельченного сушёного пениса бенгальского тигра.

В результате, по пути таинственно прикрывая спереди брюки, он попал на территорию Зиночки и незамедлительно бросился к подруге, обуянный невиданной доселе страстью. Опытная женщина была морально подготовлена к этому интересному моменту, и уже не крутилась перед зеркалом, а с нетерпением поджидала долгожданного ухажёра, уткнувшись лицом в окно (вероятно, считая на небе звёзды), а к двери повернулась так, чтобы чётко обозначить упругие нижние округлости, прикрытые... да ничем, собственно, не прикрытые!

Хахаль, ослепленный сверкнувшим отражением луны на левом полушарии попки, окончательно был взбудоражен и кинулся...

– Андрюша, полчаса я пытаюсь отыскать созвездие Козерога, но никак не получается. И Стрельца не нахожу, верно, пошёл на... ох-ох-ох... Хорошо-то как... – не оборачиваясь и не отстраняя от мужчины прелестные части тела, запричитала подруга, не в состоянии заметить дикий блеск обезумевших глаз Андрея, а также сброшенные им штаны, ставшие теперь ненужными, а также нечто непередаваемо большое и мощное, что заботливо придерживал руками её ухарь.

Давно уже смеркалось. Но Андрей и Зина, как, впрочем, и большинство отдыхающих в пансионате, уснули лишь с первыми лучами солнца.

* * *

Проснулись к полудню. Безусловно, хотелось перекусить. Зиночка, навесторговшись ночью наблюдениями за звёздами, не ходила, а порхала по номеру, словно птичка. Усадив Андрея за стол, она вышла в кухню, и вскоре оттуда донеслись брэнчание и звон посуды, а чудесный запах жареной поросятинки заплыл в комнатку и достиг сопаток хахаля.

– Милый, ты не забыл, сегодня год, как мы с тобой знакомы, – послышался голос Зины; ощущалось, что женщина рада этому обстоятельству.

Однако Андрею будто клюквы в рот всыпали и принудили разжевать, настолько кислой отразилась гримаса на его лице. А ведь поначалу, думалось ему, он испытывал высокое чувство к Зиночке.

– Как это много, – задумчиво произнёс он и, наверное, впервые в жизни понял, что женщина не может просто так упоминать срок знакомства.

Тут же чувство Купидона окончательно упорхнуло; и Андрей пожалел, что выцыганил путёвку и рискнул поехать с Зиной на курорт...

Ещё бы! После такой бурной ночи всякая ересь способна посетить даже самую неглупую женскую голову.

– Может быть, нам годовщину отметить? – не переставала лопотать Зина.

– Отметить-то можно, – без видимого энтузиазма ответил Андрей. – Правда, годовщины разные бывают, – подчеркнул он, глянул на потолок и перекрестился.

– Мне кажется, милый, что я беременна, – словно обухом, треснуло по Андреевым мозгам заявление любимой...

«Вот и приехали в Крым, называется, – подумал ухажер, меняясь цветом лица, словно хамелеон. – Отдохнул, понимаете ли, на юге, в безоблачной, безмятежной обстановке, побродил по мягкому песочку, насладился ароматом солёных волн, раскрепостился в объятиях морского бриза и без страха понежился с бабой... Но что дальше? Дальше-то что?» – запаниковал

любитель ночных светил, рьяных жеребцов и ненасытных женщин; запаниковал и обстоятельно почесал внезапно зазудевший лоб.

А ведь известно, что безмозглая голова не болит. А если не болит, но чешется? Впрочем, разницы нет особой. Значит, ум не растрочен.

Думал, чесал Андрей, но вслух выпалил блестящее предложение:

– Зиночка, надо бы провериться тебе. Всяко в организме непредвиденное бывает.

И режим, и прочее...

– А давай распишемся? – нанесла женщина очередной удар.

Только чудо удержало на стуле обескураженного Андрея, но спина и то, что ниже, внезапно подленько засвербели.

«Удар по самые железы», – отметил он про себя, но к открытой игре соперника требовались иные слова и манёвры.

– Зиночка, радость моя, и не забудь к психиатру заглянуть.

Наверное, в совете имелся какой-то толк и целесообразность, потому как подружка беззаботно и певуче сообщила:

– Признаюсь, в честь годовщины я поросёночка вчера заказала, молочного, почти сливочного. Сегодня зажарю.

Понимая, что решения никак не найти на проблемы, внезапно навалившиеся на пустой желудок, Андрей додумался уступить и не критиковать Зину как хозяйку – но не более того.

– Ну, разве что молочного, – неискренне вздохнул он. – Надо бы отведать. Почему бы и не отведать, когда просят. – И громко заявил: – Но в честь праздника требуется красиво его подать!

– Красиво подать? – послышался удивлённый возглас из кухоньки. – Хорошо. Но как это – красиво подать? Под руками ничего особого нет. Я же не дома, а в занюханной кухне пансионного номера... ты что-то посоветуешь?

Предвосхищение трапезы невесть куда отбросило невесёлую мысль о предстоящем внебрачном отцовстве, и Андрей пошёл по примитивному пути: ни о чём не задумываться и жить сегодняшним днём. Он закурил, пересел в крепко потёртое плюшевое кресло, вальяжно расположился в нём и, прикрыв глаза, вслух размечтался:

– Красиво – это красиво. Если просто – это уже не красиво. Требуется какая-нибудь изюминка...

– Всего лишь изюминка...

– Всего лишь? Ха! В ней родимой красота-то вся. Если, например, нашла яблочко, то засунь его в рот. Не мешало бы и петрушечки в уши вставить. Головку, то есть голову, посыпать зелёным лучком... Пожалуй, так будет красиво. В довершение выйди, как балерина, порхая, или изобрази танец живота...

Озвучив оригинальную идею, Андрей услышал за спиной странное мычание. Обернувшись сию минуту, он стал похож на статую, а выпавшая от изумления изо рта сигарета, гнусно задымила брюки... Та самая Зиночка, которую до поездки он считал терпимо сообразительной и относительно неглупой женщиной, сейчас красовалась перед ним с подносом в руках во всей своей красе: во рту сигналило красное яблоко, лохмотья петрушки гармонично переплетались с золотыми серьгами, а чёлка была оригинально уложена прикрепленными к ней перьями зелёного лука.

Видя, что речевые способности надолго оставили Андрея в покое, Зина подошла к любимому другу, поставила поднос с улыбающимся, слепым, жареным поросёнком мужчине на колени, вынула у себя яблоко и, надув губки, проговорила:

– Милый, может быть, это и красиво, но, по-моему, яблоко помешает нам целоваться.

Когда же, наконец, Андрея осенило, что у подруги развитие мозга явно не догоняет развития грудей, ему вдруг приспичило надёжно укрыться в своём номере.

– Мне... – начал бедолага приходить в норму, постепенно обретая способность издавать звуки. – Я бы... Мне бы очень... очень надо бы... к себе ненадолго.

Подпрыгнув с кресла, словно кузнечик, он рванулся с места, роняя напоследок:

– На минуту я... только на минуту.

Пришла очередь удивляться Зинаиде. Она изумлялась до конца следующего дня, и, так и не дождавшись Андрея к румяному поросёночку, выяснила у консьержа, что след её друга давно смыла горничная. Оставалось лишь посчитать остаток денег и, облегчённо вздохнув, что, к счастью, хватает, купить билет на родину; что и было незамедлительно сделано.

* * *

Всяк мужчина хитёр, если требуется ускользнуть от мягких, кошачьих, с коготками, лапок женщины. Не слыл бездарным исключением и наш герой. Ему не составило проблем наскоро собрать вещички, освободить номер и перебазироваться в гостиницу напротив.

Лишь войдя в новые апартаменты, где уже проживал пожилой хохол, Андрей успокоился.

«К моему счастью, Зина не знает моего домашнего адреса и номера телефона. И это всё благодаря моей прозорливости», – восхищался он собой, лёжа на гостиничной кровати и с удовольствием слушая слипающееся чавканье соседа-хохла; ведь рядом могла оказаться эта... да ещё, оказывается, беременная.

Наконец звуки братского славянина, издаваемые искусственными челюстями Львовского производства, проникли внутрь Андрея и защекотали под ложечкой.

– А как звать-то тебя, сосед? Не по-людски получается: ты лежишь, я лежу, а двумя словами до сих пор не перебросились.

Азартное чавканье мгновенно притормозилось, превращаясь во флегматичное тямканье. Осмотрительные, оплывшие жирком, глазки хохла забегали взад-вперёд, но тело по-прежнему оставалось недвижимым, переваривающим употреблённое.

– Мил человек, ты, случаем, не глухой?.. или немой? – Андрей повернул взор с потолка на затаившегося соседа, лежащего к нему спиной.

Ухо сбегавшего Зининого хахалю чутко уловило сдавленный тяжёлый глоток.

– Шо трэбо? – прозвучал осмотрительный ответ, и сразу же подкрепился благородной смачной отрыжкой, густо сдобренной духом копчёного сала и резким ароматом луковицы.

– Я, вообще-то, познакомиться... А что ты делаешь? – дабы разговорить хохла, поинтересовался Андрей.

– Кушал я, – медленно и осторожно ответил сосед и повернулся лицом.

Взгляду Андрея открылся добрый, грустный, казавшийся наивным, щекастый лик доброго украинца.

– Тогда приятного аппетита.

«Какое тебе дело до моего аппетита?» – приблизительно так размыслил малоросс, и, окутавшись подозрениями, до предела сощурил глаз.

Воцарилась тишина.

Понимая, что сказал нечто неправильное, Андрей попытался в очередной раз пронять на разговор мнительного хохла.

– Не разговорчив ты, однако. Как звать тебя – не говоришь. И кушаешь, прямо скажу, Как-то... Хоть бы попробовать предложил, может быть, понравится мне.

Вздохнув – долго, натужно – украинец пробубнил, старательно, по-русски.

– Микола я. С... из... Украины я. Сало кушал. А попробовать? Та шо пробовать? Сало як сало.

– А-а! сало! Да, действительно, что там его пробовать... – сглотнул слюнку голодный Андрей.

В коридоре послышались громкая возня и неприличные возгласы. Этого оказалось достаточно, чтобы сосед успел шустро шмыгнуть под одеяло. Через минуту возобновилось знакомое на слух чавканье, но в этот раз приглушённое и более резкое, активное.

«Не Зинаида ли вычислила меня и теперь идёт по следу, кошка драная», – осенило Андрея; и в мгновение он оказался на ногах.

Щёлкнул замок, опасно прижато ухо к двери...

Гул нарастал, Андрей бледнел, но мужественно сохранял спокойствие, вцепившись трясущимися ладонями в ручку двери. Однако, прислушавшись, он понял, что виновниками скандала явились вовсе незнакомые для нашего героя люди – некие муж и жена.

– Ирод, я послала тебя с ребёнком в магазин! – явственно слышалась брань женщины. – Где ты околачивался целый час?! Молоко купил?! Хлеб купил?! Где они?!

– Я приехал сюда отдыхать! – резонно и справедливо отбивался мужчина от нападок супруги. – Сын захотел фруктов... Могу я купить сыну фруктов?

– Конечно, можешь! Ведь ты у нас миллионер! Фруктов, понимаете ли, сыну захотелось! А молоко где, спрашиваю?

– Нет молока. Мы по рынку ходили, фрукты... – держал оборону муж, стойко отражая словесные атаки; но, судя по неоконченной фразе и недвусмысленному звонкому хлопку, физический удар он пропустил.

– Нет молока?! А где же фрукты?! Где, спрашиваю?! – не переставала буйнить жена.

– Ананас! Ананас! – послышался плач ребёнка лет восьми.

– На молоко денег не было, а на водку нашлись? О фруктах сыну он, видите ли, размечтался? Да он, саблезубый, о стакане с водкой размечтался!

– Ананас! Ананас! – Рёв мальчишки догонял по децибелам пытливо-возмущённые возгласы мамыши.

– Ананас? Ананас! – гаркала женщина. – А на нас, сынок, он, папаша твой, хрен никому не нужный положил.

– Ничего он не положил на нас! – зычно не соглашался мальчуган. – Хрен, красный, в баночке, он купил и положил в пакет... А я хочу ананас!

Громко саданула соседская дверь, и голоса приглушились; но, сложилось впечатление, к супружескому перемирию дело не шло.

«Пронесло, – отметил про себя Андрей. – Значит, Зина не отыскала меня... если искала».

Для себя он решил, что сегодня схоронится в номере, а вот завтра...

* * *

Что делать мужчинам и женщинам, если они приезжают на отдых холостыми, то есть одиночками? Естественно, искать пару.

Вот и Андрей решил продолжить отдых заново, словно он только что приехал, свеженький, не окольцованный...

Пробную вылазку Андрей совершил рано утром. Опьянённый луковыми парами вкупе с изысканными ароматами сала и варёной кукурузы, регулярно обновляемыми соседом-хололом, в первую очередь наш герой-ловелас отправился завтракать.

Трапеза в ресторане опечалила Андрея, удручила: яства многозвездатого отечественного отеля пришлись не по душе, а посему завтрак оказался быстротечным, голодным, проведённым в отвратительном настроении.

«Возвращаться к чавкающему украинцу – не хочу. Остаётся одно – искать... искать... искать», – стукнуло что-то в голову Андрея.

Пройдя пару кварталов, он оглянулся, на всякий случай.

«Вперёд к морю, и подальше от Зинаиды!» – призвал себя Андрей, расправил плечи и потянулся на запах солоноватой утренней свежести.

Вдруг, смыкая свои грозные ряды, серые тучи задернули небо. Треснул гром, сразу же задышал огнём. Заполоскал тёплый дождь.

Нырнув в какую-то тошниловку, почему-то называемую «кафе «Галлюцинация», наш друг заказал сто граммов водочки средней пакости для поднятия настроения, бокал грошового пива для фиксации настроения, и отварного цыплёнка – для закуски. Как и в ресторане, крылатый продукт с остатками перьев он откушал без явного удовольствия: цыплёнок оказался, по-видимому, не по возрасту развитым физически, и его полусырое мясо могло использоваться альтернативой жевательной резинке; однако водочка залилась ожидаемо легко, улеглась с жаром, без обратной реакции, но по мозгам не шибко заехала; пиво по вкусу можно было спутать с квасом, что, несомненно, удручало, но свою функцию пенный напиток выполнил. К слову сказать, слегка взбодриться спиртным взбрело сегодня в голову не только ему. Даже дворник, ожидая окончания дождя, принял на грудь стаканчик беленькой, а затем вышел нетвёрдым шагом на непросохший тротуар... поспешил на службу. Он, как мог, в один пакет собирал ветром разбросанные за ночь обрывки бумаг, сигаретные чинарики и использованные презервативы, а другой пакет пополнял позабытой стеклотарой. Улов второго пакета, надо отдать должное, оказался удачным, потому что, начав своё грязное дело, дворник бросил его после третьей урны ввиду отсутствия мотивации – мешок переполнился. Мужичок, хитро улыбнувшись, зашатался прочь, бессовестно покидая пост.

Андрей также не стал засиживаться. Он неспешно добрёл до пляжа, где после дождя воздух пах уже не морем, а песочек обнажил следы ночных оргий, то есть опять-таки бумагу, использованную по назначению, окурки разных калибров и фирм, и, конечно, вновь презервативы, презервативы и... не будем повторяться.

«Наверное, морской воздух чудесным образом влияет на естественную природную активность, возникающую между полами человечества. У нас-то, в Белосовковске, чисто, и резинки не валяются в таком количестве, народ ерундой не занимается, работает на славу Президента и себе на радость, по вечерам слушает его навечно остающиеся в истории мудрые изречения по телевизору, а потом, натруженный, но упоенный и успокоенный сладкими словесами, с лёгким сердцем ложится спать», – отметил Андрей.

А здесь? Похоже, песочек служил для некоторых мягкой постелью, а лежаки, оккупированные бомжами, только к утру стали освобождаться для отдыхающих.

Наскоро раздевшись, Андрей бросился в море, в эту солёную, пенистую, холодную и с небольшим содержанием мусора и прочих растворимых компонентов пучину...

Вообще-то, желающих освежиться по утру было немного... но были. И в основном купались парочками. Вот девица с парнем целуются, нежно держатся за... Жаль! Под водой не видно. Вот ещё парочка!.. О, а здесь сразу три парочки!.. Вместе! Как красиво! Ребята дрейфуют на поверхности, а на них, словно белые лебеди, изогнувшись, ритмично покачиваются девушки.словно балет «Лебединое озеро». И вот ещё виднеется чета... Хотя интересная парочка! Из мужчин. Глядят они друг на друга как-то загадочно, по всему видно, отнюдь не дракой пахнет. Вот один нырнул, а второй, наверное, от удовольствия, что остался в полном одиночестве, прикрыл глаза и захохотал... А может, от радости, глядя на изящный нырок приятеля?.. Но не тут-то было! Голова первого, пусть и не сразу, появилась вновь, затем что-то сплонулось... По всей вероятности, второму эта игра в прятки пришлась по вкусу; и в следующий момент он дал нырка под первого. Первый – очень даже возможно! – ожидал подобную прыть от друга, поэтому благодушно закивал головкой и в упоении томно опустил веки и замурылкал.

Вдруг Андрей вздрогнул. Его безмятежное созерцание разнообразной окружающей действительности нарушил пляжный громкоговоритель. Полилась мелодия не какой-нибудь бодрящей заезженной годами ламбады либо бьющего по ушам военного марша, а песня о настоящей мужской дружбе: тоскливая и в то же время ритмичная песенка «Голубая луна» навела

нашего героя на поэтическую стезю. Андрей, перевернувшись на спину, принялся дрейфовать и неумело сочинять стихотворение, название которому дал сразу же – «Голубая волна»...

Едва на ум взбрели две свежие строчки: «Голубая волна, он – не она», – Как услышал под ухом неприветливый голос.

– Эй, чего разлётся тут, рот раззявивши? Гляди, не на кровати дома... ненароком в рот наплевать могут чего-нибудь, – гневный рокот вывел Андрея из плена поэтических муз.

– Извините, – на всякий случай, чтобы окончательно не растревожить воспалённую нервную систему возмущённого типа, проблеял Андрей и поплыл свечкой – медленно, оглядываясь и наблюдая.

«Ох, а это как понимать?» – всполошился он, видя, как девушка довольно заманчивого вида отчаянно барахтается среди мутных волн.

Андрей тут же вспомнил, что он настоящий мужчина. И не стал дожидаться, пока хрупкие женские ручки скроются из вида, а морская пучина загребёт себе в презент прекрасное тело несчастной, чтобы глубинные чудовища могли беспрепятственно насладиться восхитительными прелестями земной русалки. Андрей бесстрашно устремился спасти её...

Поддерживая чудесное дитя природы своей сильной мужественной рукой за одну из её оголившихся прелестей, а другой для приличия вцепившись в волосы красавицы, как положено делать при спасении утопающего, он принял курс на берег, однако... Батюшки!!! Неожиданно из-под утопленницы вынырнуло то самое существо, вид которого страшен и днём и ночью. Вылитый царь Нептун, только без короны и трезубца, но с огромными, не предвещающими ничего доброго кулачищами, косматой грудью, огромным ртом и чрезвычайно толстыми губами. Это создание появилось на поверхности воды и с нервным душераздирающим гоготом накрыло своим мохнатым торсом барахтающуюся девицу, чтобы увлечь за собой в морское царство... как выяснилось, ненадолго.

Едва узрев водяного монстра, Андрюша сиюминутно посчитал себя лишним, благоразумно выбросил из своей головы спасательные идеи и отпустил юную деву. Но только успел приостановить столь благородные действия, как получил в бок неслабый тычок. Это увлечёвшиеся необычной игрой всё те же субъекты, по виду напоминающие мужчин, натолкнулись на него.

– Ты всё ещё здесь? Подсматриваешь? – рявкнул один (а ведь со стороны выглядел таким любезным!); но нескольких слов было вполне достаточно, чтобы Андрей показал свой наилучший результат в заплыве к берегу и вскоре покинул голубую среду.

Выйдя на берег, наш герой печально побрёл к ближайшей кабинке для переодевания; однако и в этом укромном местечке его ожидало некоторого рода фиаско. Внизу кабинки топтались две пары волосастых ног.

«А почему бы и не пройтись в мокрых плавках, вспомнить влажное время раннего детства», – успокоил себя Андрей и решительно направил стопы от недружелюбно встретившего его пляжа.

В номер вернулся он с опаской, соблюдая меры предосторожности, попутно заказав у швейцара свежий выпуск местной газеты объявлений. Правда, получил от него уклончивую консультацию.

– Пошёл ты... – порекомендовал Андрею молодежавый служитель гостиницы; но тот сразу же догадался куда, и, не пожелав идти, проигнорировал совет.

А в апартаментах, наряду со старыми запахами, в воздухе уже витал новый аромат. Андрей безошибочно определил в нём следы самогонного испарения. К тому же сосед-хохол уже не таился под одеялом, а восседал за круглым столом и весёлым затуманенным взором встречал нашего героя.

– Купался? – неожиданно бодро первым спросил украинец.

– Откуда такая проникательность? – удивился Андрей.

– Ты трезвый пришёл, но мокрый; а что здесь, на курорте, ещё делать?

Логика хохла понравилась Андрею, не в пример внешнему виду.

– Обстоятельно мыслит, – глухо похвалил наш герой и засуетился, бросая взгляд на стол, где под бутылкой из-под «Пепси» с бесцветно-мутной жидкостью, ломтем сала, надкушенной скибочкой хлеба и луковицей размером в огромный кулак, покоилась газета.

– Случайно, не газета объявлений? – поинтересовался Андрей, на что получил утвердительный кивок и устное пояснение:

– Да. Она. Вышел в коридор, а газетка лежала под дверью соседней хатки. Кто-то потерял. Думаю, зачем валяться ничейному? Вот... пригодилась.

– Пожалуй, ты вновь в чём-то прав и заслуживаешь доброго слова. Наливай!

Под хмельком хохол оказался намного сговорчивее, приветливее и добродушнее, чем прежде. Без лишних вопросов стаканы были наполнены и осушены под краткий тост украинца: «Хай!»

* * *

Кутили до часиков шести вечера, пока Андрей вспомнил о газете.

– Слушай, брат-славянин, дай мне её, хочу спросом и предложениями полюбопытствовать. У меня ведь отдыха ещё две недели; а одному, знаешь, не совсем уютно.

Распластав газетёнку, наш искатель приключений бегло пробежал взглядом по выделенным строкам. Ничего заманчивого: эпиляция лобковых волос скотчем – вроде бы ни к чему; для лысых набор париков на каждый день – пока рановато, для особо патлатых, с шевелюрой как у льва, средство от вшей – но зверушки вроде не беспокоят; вазелин от чрезмерной сухости во всех местах – увольте, это для Афродит; презервативы с усами, разноцветные, с огоньками – нет, Андрюша амбициозен, полон сил, в привлекающих приспособлениях пока не нуждается...

– «Прекрасная Дева ищет Козерога». Вот эта идея подходит, – обрадовался Андрей, дойдя до объявлений мелким шрифтом. – Я Козерог, поэтому надо найти какую-нибудь Овцу или Стрельчиху.

Благо, выбор оказался богатым. Достаточно только внимательно посмотреть, кто кого. Андрей где-то читал, что Козерогу подходящая пассия – это Овен. Проблем не возникло. Пять Овнов искали Козерога для знакомства и дружбы в ночное время...

– Алло, как вас зовут, Овен мой сладкоголосый? – вкрадчиво спросил Андрей, набрав номер первого телефона. – Проблем мне что-нибудь душевное.

– Зиноч...

Ответа он не дослушал, бросил трубку и задрожал всем телом.

«И тут Зиночка. Напасть какая!» – подумал Андрей, но первоначальный план действий менять не собирался.

Вторая отрекомендовалась Камелией.

«Как необычно, воздушно и романтично», – отметил наш рыцарь.

Тем временем, не жалея ласковых слов, Камелия «ездила по ушам» заезжему ловеласу так, словно Андрюшиного звонка она ожидала с тех пор, как в последний раз сбросила школьную форму...

А он слушал, расцветал на глазах, тяжело дышал, ёрзал и топал ногами, как молодой жеребец. Такая активность не прошла мимо взгляда хохла Миколы, который с любопытством вперился в соседа.

– Шо?! Шо она хочет?! Дай мне послушать, – по-русски нетерпеливо вопрошал любитель сала.

– О!.. Я?.. Снизу?.. Да!.. Язычок?.. О!.. Люблю!.. И тебя уже люблю... Да!.. Сегодня... Где? – ворковал Андрей.

– Дай, дай мне, – выплюнув недожёванный кусок сала на стол, подскочил украинец и ухватился за трубку.

Но телефон оказался в сильных руках. Андрей держал трубку крепко, как караульный Кремля сжимает вверенное ему оружие.

– Что?! – вдруг прокричал он и отбросил аппарат.

– Батка родны! – развёл руками Микола, обижаясь и удивляясь. – Шо она сказала?

– Сто, – разочарованно выдавил Андрей, меняясь в лице.

– Шо сто? Шо?

– Наверное, хорошая девка, ласковая, во всём искусная... но она мне не по карману.

– Надо было со мной побалакать, мы бы с тобой вскладчину... глядишь, и я побаловался бы южной дивчиной, – замечтался украинец, подобрал со стола казавшийся ненужным пожёванный кусок сала и сунул обратно в рот.

– Третья попытка – не пытка, – произнёс Андрей, набирая цифры следующей любительницы ночного досуга... но первыми же её словами рога нашего доверчивого Козерога были сбиты.

И вновь трубка улеглась с грохотом.

– Шо? Шо опять? – не унимался настырный Микола, набивая рот новой порцией белой жирной вкуснятины.

– У-ух, – словно молодой олень, Андрей яростно замотал головой. – Я столько не зарабатываю в неделю, чтобы заплатить за час незабываемых ощущений.

– Сто?! – жевательно-вращательными движениями рта, злобно торжествуя, спросил хохол.

– Двести!!!

– Э-эх, крокодила твою мать! – проглотив пряное месиво, вслух выругался любитель свинины; но душа-то ликовала.

– Такие дела. Но отступать негоже. Иду на четвёртый заход!..

Прекрасная, судя по голосу, обладательница четвёртого номера цену не говорила, а сразу промурлыкала место свидания – ресторан «У Сони», близ моря.

– Есть посадка!!! – восторженно рявкнул Андрей.

Вдохновлённый удачей, он, не распыляя соседу мелкие подробности, выскользнул из гостиничных апартаментов и понёсся туда, где обещала встретить его очередная любовь.

– В ресторан! К морю! К победам! – пьянел Андрей от прильнувшей в мозги накопившейся семенной жидкости...

Как необычайно красив и оживлён вечер в курортном городе! На каждом шагу разноцветными фонариками блестят девицы – длинноногие, приветливые, разодетые в искристые курточки и юбочки из натурального кожзама от Гриши Кармана, произведённые местной фабрикой, но руками трудолюбивых незарегистрированных китайских умельцев; а посему, абсолютно заслуженно, на куртках вместе с надписью «Анинас» соседствовала «Сун Ху Чай». Цветастыми рубахами вкупе с необъятных размеров шортами услаждали взор юркие, прыткие, низенькие бритоголовые ребятки, шастающие кругами возле длиннющих ног молоденьких девиц, разговаривающих по крутым мобильникам; там-сям шпана с папиросами в зубах слегка портила атмосферу подозрительно сладким запахом дыма (очень ленивая шпана или, наоборот, весьма взбудораженная... но необычно и экстравагантно одетая). Любуясь на этот букет человечества, можно было не заметить пару доходяг, субъектов грязных и лохматых, потягивающих «сливки», то есть коктейль, составленный из остатков всего, что горит, всего, что пенится и всего, что хотя бы на секунду может затуманить извилины мозга. Несмотря на то, что остатки были добыты из недопитых бутылок и стаканов, вкус полученного нектара, по всей вероятности, приходился по вкусу неизбалованным персонам. А среди этой разношерстной, благоухающей публики медленно, вкрадчиво, неслышно крутилось шустрое пацанье, способное нагреть зазевавшегося клиента на пару-вторую сотен...

А природа-то! Природа шептала: ласковый морской зефир обдувал оголившиеся участки тела, а сам воздух всё больше насыщался не только озоном, запахом белых магнолий, но и сладким дымком марихуаны в смеси с водочными парами... Чувствительно свежело.

От прохладного, ночного, морского дыхания вышеупомянутое общество постоянно пыталось подогреться. Большинство употребляли спиртные напитки, после коих тянуло пройти курс ещё более приятных тепловых процедур – «грелкой на всё тело». Грелки в блестящем тайком отпускались ребяткам в цветастом – по одной, а можно и оптом. Всё чаще на кустах победно вывешивались использованные бесцветные «резинки», всё более страстно, в динамичном экстазе раздавались голосовые всплески из окон гостиниц; а затем оттуда же выбирались всё те же пресловутые «изделия номер два» со следами грешных удовольствий...

Ах! Что это? Крики? Сразу же понятно, что так не кричат, когда в тебе двадцать сантиметров чужой возбуждённой плоти в резиновой обёртке. Андрей не ошибся в характере криков, хотя откуда ему знать, что в небольшом скверике, среди клумб, кустарников и деревьев работают кемерунцы и орудуют зверьки... Он не ведал, что трое кемерунцев поймали праздно шатающегося, местного бухарика и теперь снимают с него часы в память о встрече, штаны с содержащимся в них бумажником, и, конечно, не забывая прихватить золотую цепочку, чтобы затем её продать и с чистой совестью уехать в родной город – Кемерово. Кричи, дружище, кричи!.. А ещё он был не в курсе, что в тёмном скверике, среди сумрака и шепчущейся листвы деревьев, оказалась одиноко прогуливающаяся девушка в знаменитой, красно-блестящей коже и с сумочкой, в которой ждали своего часа пачки китайских (шершавых, волосатых) презервативов. Зашла она, возможно, по нужде, на пять минут; однако вынуждена была остаться на полчаса наедине со зверьками родом из солнечного доброжелательного Кавказа. Гостеприимно встретив ночную «бабочку», они предложили ей выпить, курнуть и... нет, не денег, деньги в разговоре не упоминались. На вежливый отказ девушки, зверьки вежливо влили в неё стаканчик бормотухи, вдули пару затяжек гашиша, и решили склонить её развлечься. Она, душечка, и с первых-то минут была не в восторге от случайных знакомств, а тут... девять сливающихся с ночью лиц, и все одинаковые ростом, весом. Крикнуть для острастки и очистки совести девица так и не успела... или постеснялась. Это уже затем, после питья и курева, заткнув рот гигиеническими прокладками на каждый день, зверьки поочерёдно, в несколько заходов и выходов... Пока не лопнул последний переполненный китайский экземпляр, из числа тех, что до недавнего времени мирно покоились в сумочке, и так кстати пригодились на прогулке... А прогулка, в особенности к её завершению, протекала, можно сказать, в дружественной доверительной атмосфере и близкой тесной обстановке. Освободив рот от кляпа, зверьки, как истинные джигиты, прошлись друг за дружкой попрощаться с общей любимицей; а в залог крепкой любви сняли золотой перстень, золотое кольцо (два кольца!), цепочку из этого же металла (цепь!), крестик (золото высшей пробы, толщиной в палец, с камушком, но маленьким), естественно, присовокупили к вышеперечисленному шикарные серьги с якобы драгоценными хрусталиками... Понятное дело, что снимали вещи у неё, а оставляли дорогостоящие реликвии у себя. Во всяком случае, они убеждены были, что массивные безделушки – имеют особую цену. Ночью-то? Наивные!

Но Андрей ничего не знал, только немного догадывался. И хорошо! И прекрасно! От предвкушения намеченного свидания с незнакомкой кровь его бурлила, резко подскочило давление. Он не шёл, а нёсся мимо скверика, игнорируя крики о помощи, как их не обнаруживали и стоявшие патрульные милиционеры, к чему-то почёсывающие левые ладошки и внимательно изучающие обстановку, в особенности – передвижение девиц и таинственное шастанье вокруг них. И хорошо! И прекрасно! Зачем мешать кричать, тем более влезать неведомо куда?.. Жизнь была ключом, несмотря на сгущающуюся темень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.